

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

ЛЕТО
ВОЛОНТЕРА

Сергей Лукьяненко Лето волонтера

Серия «Измененные», книга 4
Серия «Книги Сергея Лукьяненко»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67385403
Лето волонтера: SelfPub; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-151372-6

Аннотация

Мир не меняется в один миг. А иногда все победы могут оказаться поражениями. Вы же не думали, что все будет так просто – придет Высший и наведет порядок?

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	39
Глава четвертая	61
Глава пятая	78
Глава шестая	97
Глава седьмая	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Сергей Лукьяненко

Лето волонтера

© С. Лукьяненко, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая

Глава первая

Был, несомненно, июнь.

Я сидел на лавочке, цедил прямо из бутылки воду с газом и смотрел, как Дарина играет в волейбол.

Говорят, газировка для желудка вредная. Но мне плевать. Если вам не доводилось пить из разорванной артерии Пржней радиоактивный энергетический газ – то не надо со мной спорить о здоровом питании.

Спортивная площадка была при школе, где я когда-то учился. Днем туда посторонних не пускали, конечно, а вот вечером можно было прийти и поиграть. Тусили тут и несколько одиннадцатиклассников, старательно изображающих из себя взрослых, и наши ребята, бывшие серчеры. Кто-то чуть старше школоты, а кому-то и хорошо за тридцатник.

Будь Дарина единственной Измененной на площадке, игра вышла бы нечестной. Но против нее играла стража из Гнезда на Олимпийском, так что команде Дарины приходилось туго. Стражи куда быстрее и сильнее, чем жницы.

Но жницы, во всяком случае на Земле, поумнее. Стражи – бойцы, их готовят по ускоренному курсу.

Так что команда Дарины все-таки держалась и даже вела

в счете.

Смеркалось, на небе (сезон дождей неделю как закончился) все ярче и ярче блистало Лунное кольцо. Я поднял голову, выискивая среди звезд Росс 128.

И не увидел.

Я знал, где она – тусклая звезда, у самой короны которой кружит планета Саельм. Я там был.

И звезда, конечно, осталась на небе.

Но мой небывалый второй Призыв прошел. Когда два месяца назад Высший в теле Миланы вернул меня из формы Защитника в человеческий облик, он что-то очень серьезно поменял. «Откатил» меня к моменту первого Призыва и даже дальше. Я чувствовал, что остаюсь сильнее и быстрее обычного человека, наверное, почти на уровне жницы. Но никаких способностей изменять тело, поглощать электричество, швырять лезвия энергетических полей не осталось.

Не то чтобы я сильно переживал...

Хотя вру. Конечно же, немного обидно.

– Сетка! – завопил кто-то из команды противника, когда Дарина сильным ударом вколотила решающий мяч.

Но сетки не было, стража покачала головой, подошла к Дарине и пожала ей руку. Потом что-то шепнула, стянула футболку и подала ей. Дарина перетянула себя футболкой, повязав на манер пояса, и, хмурясь, пошла ко мне. Волосы у нее за последние месяцы отросли до плеч, она была очень похожа на обычную девушку, только глаза остались фиоле-

товыми, волшебными.

– Умница, – сказал я. – Что за новый обычай?

– Футболка? – рассеянно спросила Дарина. – Трофей...

Пошли домой?

Я поглядел на стражу. В шортах и без футболки та, как ни странно, выглядела лучше. Пропала внешняя схожесть с людьми, которую давала одежда. Мускулистое тело со светлой шершавой кожей, крупный подбородок, очень короткие волосы, длинные руки – все было гармонично.

Большинство Измененных больше не носили комбинезоны. Жили они по-прежнему в Гнездах и вроде как продолжали заниматься своими делами, но стали выходить, гулять по городу, общаться. Вот, даже спортом занимаются...

– Посидим? – предложил я.

– Максим...

– Понял, понял. – Я вздохнул, вставая. – Пошли. У меня есть несколько идей на этот вечер.

Дарина рассеянно улыбнулась, уточнять не стала.

Мы дошагали до дома, это совсем рядом, поднялись ко мне. Консьерж Андреич настороженно кивнул нам. Дарину он побаивался, хоть никогда бы и не признался в этом. Он вообще недолюбливал Измененных, а ко мне относился с сочувствием – угораздило же парня влюбиться в нелюдь...

Откуда я это знаю?

Смысл, поглощенный когда-то на планете Трисгард, остался во мне, Высший его не забрал. Я умею чувствовать

чужое настроение.

Дома Дарина тут же направилась в ванную и щелкнула замком на двери.

– Эй, я тоже вспотел и тоже хочу в душ! – сказал я.

– Я быстро.

– Может, вместе помоемся?

– Потерпишь...

Зашумела вода, я вздохнул, прошел в гостиную, включил телевизор. В новостях рассказывали об исследованиях по созданию низкоскоростного интернета. Как на мой взгляд, выглядело это уныло, но, может, и сойдет для школоты, не знавшей нормальных сетей. Эх, какой у меня в детстве был интернет! Все летало...

Высший прогнал с Земли и Инсека, и Прежних. Продавцы ушли сами. Кристаллы по-прежнему возникали где попало, значит, орбитальные излучатели работали, выколачивая из людей смыслы. Вот только покупать их было некому.

Почему он так сделал?

Загадка.

Я спрашивал об этом Милану, когда та стала собой, но она не смогла ответить. Высший – это существо, живущее на всем протяжении времени с того момента, когда первый его разумный компонент появился на свет, и... и до конца Вселенной? Не знаю. Вроде как даже Высшие не бессмертны. Так вот, Милана – это начало Высшего. Он может перенести в нее свое сознание, проявиться в ней или в ком-то другом.

Но по большей части Высший своими младенческими временами не интересуется. Так, появился пару раз, чтобы обеспечить свое собственное рождение, – и исчез. Может быть, он сейчас гасит и зажигает звезды, рисует туманности, жонглирует черными дырами и закручивает галактики. У него свои интересы.

Милана считает, что я и Дарина тоже станем частью Высшего. Но я подозреваю, что не все так предопределено.

– Дарин, ужин сделать? – крикнул я, когда шум воды стих.

– Я сделаю. – Она вышла в одном халатике, улыбнулась. – Пиццу. Я ведь жница, готовить – моя обязанность. Готовить, лечить, убирать...

– Идеальная боевая подруга! – восхитился я. Попытался посадить Дарину себе на колени, та ловко увернулась.

– Максим, я на кухню.

– Идеальная! – повторил я громко.

И нахмурился.

В общем-то Дарина совсем не против, когда на кухне командую я. Что это с ней?

– Лучше к экзамену готовься! – донеслось до меня. Потом пискнул телефон – она кому-то звонила.

Ну да... экзамен.

Я все-таки собрался поступить в университет. Стать дипломатом. В идеале – межзвездным.

Если, конечно, Измененные однажды разрешат людям пользоваться порталами. Если Инсеки и Прежние захотят

иметь с нами дипломатические отношения.

Однажды Лихачев сказал мне, что я поступлю, даже если на экзаменах буду сидеть и загадочно улыбаться. Я единственный из людей, кто побывал на других планетах, общался с несколькими инопланетными цивилизациями, контактировал с Высшим... и даже некоторое время был им. Про такие вещи публично не говорят, но кому надо – те знают. Я две недели с утра до вечера писал отчеты, рассказывал о своих приключениях. Меня даже пытались загипнотизировать для лучших воспоминаний, но кончилось это неожиданно, доктора сами впали в транс. Хотя я ничего не делал, честное слово!

Но мне так не хотелось. Так что я честно учил историю, особенно ту, что «после Перемены», повторял забытые правила русского языка и даже подтянул немного английский и испанский.

Немецкий у меня остался со второго Призыва – это общий язык Измененных, выбранный ими по каким-то своим страннным соображениям.

Я полистал учебник, повторяя даты и прислушиваясь, как Дарина шумит на кухне. Что-то она от меня скрывает, но что – я понять не мог. А использовать смысл было бы нечестно.

В конце концов учебник меня все-таки увлек. Я, к примеру, не знал, что «происшествие в Вазастане» было вызвано мигрантами, уверовавшими, что наступил конец света.

Но как открылась дверь, я все равно услышал. Выглянул

в коридор.

Наська торопливо скидывала кроссовки. Значит, не от родителей спустилась, бегала куда-то на улицу.

– Привет, я к Дарине, – сообщила она и унеслась на кухню.

– Унюхала пиццу? – спросил я вслед, но ответа не дождался.

Меня подмывало встать и пройти на кухню, к девчонкам.

Но это было словно признать, что у подружки и у приемной сестры от меня завелись секреты. Слишком обидно!

Я упрямо уставился в учебник новейшей истории для 11-го класса. Не хочу на экзамене выглядеть глупее недавнего школьника...

А потом понял, что уже не один в комнате.

Сказать, что я испугался, – ничего не сказать.

Да, Превжних и Инсеков на Земле нет. Я ничуть не сомневался, что прямой запрет Высшего они проигнорировать не рискнут.

Но остались Слуги.

Очень много Слуг, большинство из которых – влиятельные и богатые.

И еще прорва Кандидатов. Если не ошибаюсь, то сами по себе они превратиться в Превжного не могут. Но способности у них все равно серьезные, Слугам не чета.

А Кандидатам, как и Слугам, любить меня не за что. При этом формально они считаются людьми и запреты Высшего на них не распространяются.

Так что я подскочил, опрокидывая кресло, и замахнулся учебником – единственным, что у меня было под рукой.

– Я уже читал эту книгу, Максим, – сообщил гость.

– Вашу мать! – выкрикнул я.

– Вы же знаете, у нас нет матерей, – укоризненно заметил

Продавец.

Громоздкая фигура передо мной была закутана во что-то, напоминающее тонкие полоски мохнатой желто-оранжевой шкуры, стелющиеся по полу, словно бальное платье. Из меха торчала рыжая голова, похожая на лисью, но размером не меньше человеческой. Шерсть на голове подозрительно походила на мех одежды. Лис дружелюбно скалился.

– Дарина! – позвал я, не отрывая взгляд от Продавца. – Только не пугайся, но у нас...

– Она не услышит, – перебил Продавец. – И еще девять минут не появится.

Ну конечно, он ведь живет в закольцованном времени и знает ближайшее будущее, хоть и не может его изменить.

До меня теперь не доносилось ни одного звука с кухни. А Дарина с Наськой наверняка не слышали меня.

– Мы знакомы? – спросил я. – Вы тот Продавец, что работал возле Гнезда?

– Нет-нет. – Лисья голова качнулась. – Мы не встречались. Но он просил передать вам привет и всяческое уважение.

Я уже пришел в себя. Продавцы были себе на уме, они использовали чужие части тела, помогали и нашим, и вашим

(в своих интересах, конечно).

Но все-таки, если положить все их поступки на чаши весов, хорошее перевесит, они куда больше помогли и мне, и всем людям. И уж точно были порядочнее Превжних и Инсектов.

– Думал, вы ушли с Земли, – пробормотал я.

– Ушли, – согласился Продавец. – Но почему бы не навестить приятную планету? Одну из немногих, где обитатели имеют пусть ограниченное, но все-таки чувство юмора. И при этом создают неплохие телесериалы... Кстати, у вас не найдется второго сезона «Дочери Шелдона Купера»?

Я подошел к телевизору, молча выдернул флешку и протянул Продавцу. Лисья лапа бережно взяла ее и сунула куда-то под шкуры.

– Вы за этим пришли? – спросил я.

И сам не понял, с надеждой это произнес или с разочарованием.

– Боюсь, что нет, Максим.

– Плохое начало... – прошептал я.

– Вначале всегда все плохо, – кивнул Продавец.

– А потом?

– Потом привыкаешь. – Лисья морда ухмыльнулась.

– Давайте, выкладывайте, – сказал я.

– А кристалл? – капризно спросил Продавец. – Информация стоит смыслов...

Сам не знаю, зачем подобрал вчера этот круглый орик. По

привычке, наверное. Сунув руку в карман джинсов, я протянул оранжевый шарик.

– Большой, но мутный... – вздохнул Продавец.

– Вы сам такой, большой и мутный, – ответил я. – Раз пришли, значит, вам нужнее. И времени у вас мало, верно?

Продавец спрятал кристалл. Посмотрел мне в глаза.

– Да, вы правы. Но взять кристалл – это как ритуал перед началом разговора... Максим Воронцов, нужна помощь.

– Кому? – мрачно спросил я.

– Нам. Впрочем, скорее всего, весь мир в опасности.

Я даже не удивился, только разозлился.

– О! Я мечтал спасти мир. Это давно стояло в планах.

Успею поужинать?

– Вероятно, да, – кивнул Продавец. – Я не знаю, что вы будете делать и где. Возможно, на Земле. Возможно, вам придется отправиться в путь. Может быть, одному, а может быть, с друзьями. Я лишь знаю, что вы должны быть предупреждены. Шансов, что справитесь, – немного, но иных шансов нет вообще.

Мне вдруг стало не по себе. Как-то слишком серьезно он говорил.

– Можно без этих загадок? Скажите, что происходит?

– Нельзя, – Продавец покачал головой. – Видите ли, Максим, как только я попытаюсь рассказать вам то небольшое, что знаю, я серьезно пострадаю.

– Тогда не надо, – быстро сказал я.

– Спасибо, – Продавец кивнул. – К сожалению, я все-таки попытаюсь. Я это знаю. У меня осталась одна минута.

– А потом? – Я насторожился.

– Потом я ничего не вижу, – сказал Продавец. – Вы в курсе, что это может значить для нас.

Я кивнул.

– Но, как бы то ни было, я все-таки попробую. Дело в том...

Продавец исчез.

Мне показалось, что перед этим его одежда на мгновение засверкала, будто по меху пробежали искры.

В воздухе свежо запахло озоном.

– Максим, тебя сколько звать? – донесся с кухни голос Дарины.

Я прошел к тому месту, где стоял Продавец.

Подобрал с пола флешку, орлик и оторвавшуюся от одежды рыжую шерстинку.

Плохо, когда знаешь будущее, но не можешь его изменить.

Я бы с ума сошел.

Наверное, вырасти Дарина среди людей, то пиццу сделала бы лучше. Но как по мне, если пицца горячая, то она уже вкусная.

Зато обычная девушка мне бы не поверила.

– Не думала, что Продавцы так умеют, – сказала Дарина, хмурясь. – Вот просто так взял и появился?

– И потом исчез, – кивнул я.

– Грозой запахло? – с любопытством спросила Наська.

– Да! – обрадовался я. – Что-то об этом знаешь?

– Нет, ничего, – замотала головой бывшая куколка.

– Слушай, это не игра! – сказал я строго.

– Да не зна-а-аю я! – возмутилась Наська, начиная тянуть слова. Появилась у нее такая манера, когда она обижалась. – Это в книжках всегда так пишут, когда кто-то исчезает или появляется. Пахнет грозой, искры летят...

– Искры тоже были, – признался я.

– Вот! – торжественно сказала Наська и схватила еще один кусок пиццы.

– Ты же не собираешься... – Дарина замялась, но все-таки закончила: – Что-то делать?

Я покачал головой.

А что я могу сделать?

Да ничего!

Прежние ушли, Инсек ушел. Продавцы ушли. Высший больше не появлялся. Земные власти осмысливают этот факт. Было несколько неожиданных отставок и импичментов в высших сферах власти самых разных стран. Было и несколько неожиданных несчастных случаев, самоубийств и скоропостижных болезней с летальным исходом.

Как я понимаю, идет зачистка Слуг и Кандидатов, которых сумели вычислить.

К сожалению, я точно так же понимаю, что это одни Слу-

ги и Кандидаты руками людей зачищают других, менее удачливых.

– Экраны работают? – спросил я на всякий случай.

– Между Гнездами, – ответила Дарина. – На Саельм... не знаю. Уже два месяца как никто не уходил. И не приходил, конечно.

Я знал, что два месяца назад почти пять тысяч Измененных с Земли ушли на Саельм. Те, кто не принял уход Инсеков, кто решил продолжать служить им в войне с Прежними.

Потому что война не закончилась. Она идет по всей Галактике, Прежние и Инсеки делят территории и захватывают чужие миры, собирая смыслы на пути к сингулярности.

Только Земля теперь вне этой войны.

Я поймал взгляды девчонок. Дарина смотрела испуганно и напряженно, а Наська – с живейшим интересом.

– Не собираюсь я никуда уходить! – возмутился я. – Тем более, Продавец ничего толком не сказал! Им нужна помощь, мир в опасности... знаешь, я убедился: мир всегда в опасности, а помощь нужна всем.

Дарина расслабилась, а Наська огорчилась.

– И никаких сроков, кстати, он не называл, – успокоил я и себя, и Дарину. – Никто ведь не запрещает спасать мир в рабочем порядке? Может, мне стоит выучиться, начать работать и уладить конфликт между цивилизациями.

– Учиться – скучно, – сообщила Наська. – Я хочу закончить школу в следующем году. Я почти все знаю, я посмотр-

рела учебники.

В этом я не сомневался. Обучение в Гнезде идет совсем на других скоростях.

– Закончишь, а дальше? – спросил я скептически. – В десять лет?

– Между прочим, мне будет одиннадцать!

– И что станешь делать?

– Отдыхать! – Наська встала, прихватила еще кусок пиццы, сообщила: – С колбасой еще ниче, а с рыбой подгорела... Я домой!

Дарина против ожиданий ничего не сказала, хотя обычно она Наську строит и наглеть не дает. Мелкая подмигнула ей, а меня хлопнула по руке.

– Без меня мир не спасай, лады? Ты мой главный герой! Ну, после Человека-паука, конечно.

– Почему после Человека-паука? – неожиданно обиделся я.

– Он такой красавчик! – сказала Наська драматическим шепотом.

Я демонстративно прошел за ней в прихожую и убедился, что девочка ушла. Потом вернулся на кухню.

Дарина все так же сидела, кутаясь в халатик, перед куском остывшей пиццы. Я обнял ее за плечи.

– Эй... я не собираюсь никуда бежать и никого спасать.

– Знаю...

– С чего вдруг мелкая прибежала? Ты ей звонила?

– Угу. Наська в аптеку сбегала, я попросила. По женским делам.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это может значить. Потом я смущенно сказал:

– Рановато, наверное. Но она же растет.

– Это мне, Максим, – сказала Дарина. – Это я стала девушкой, понимаешь?

– Э... – ответил я, складывая воедино стражу, что-то шепнувшую Дарине, повязанную вокруг пояса футболку, принятый в одиночестве душ и шумящую в ванной стиральную машину.

– У Измененных детей не бывает, – сказала Дарина. – У меня никогда раньше не случалось... критических дней. Теперь есть. Видимо, Высший что-то исправил.

– Ага, – сказал я, сел напротив. – Но ты ведь осталась жницей?

Дарина взяла со стола вилку. Согнула ее, потом распрямила. Сказала:

– Вроде как да.

– А могут быть дети у человека и жницы? – спросил я. – Разумеется, если Высший... меня тоже исправил...

Дарина пожала плечами.

– Ну, я рад, – сказал я неуверенно. – Здорово!

– Все становится сложно, – сказала Дарина, не глядя на меня. – Нас на Земле довольно много, одних жниц с миллион. Две трети девушки, остальные парни. Власти с этим ми-

рились...

Я понимал ее. Измененные всегда были занозой для правительств. С одной стороны, бывшие люди, бывшие дети. С другой, уже не люди, куда сильнее и умнее, с доступом к технологиям Инсеков...

Но Измененные не размножались и почти не контактировали с людьми. Можно было не беспокоиться, что они начнут занимать ответственные посты, вытеснять людей. Бесплодные мутанты, пройдет сотня лет, и они исчезнут.

А теперь?

Кто может родиться у жницы и стражи? Или у двух стражей? Или у человека и жницы?

Людам хватает цвета кожи, диалекта языка или маленькой разницы в религии, чтобы начать ненавидеть и убивать друг друга. После Перемены и появления Инсеков все это ушло на второй план.

Теперь возвращается. В новостях снова замелькали террористы, политики вспомнили прежние споры.

И сюда еще добавить Измененных, которые начнут размножаться!

– Все сложно, – признал я и взял в руки ладонь Дарины. – Но мне плевать. Я рад, правда!

В дверь позвонили, и я почувствовал, как Дарина вздрогнула.

– Допустим, Наська решила, что пицца не столь уж плоха, – сказал я, глядя на Дарину. – Но мы уже спим.

Позвонили снова.

– Иди, – сказала Дарина.

Я прошел в прихожую. Помедлил и открыл дверь.

На пороге стоял Лихачев. В штатском, в светлом льняном костюме, будто какой-то немолодой отпускник. Костюм выглядел так, будто ему лет двадцать, а надевали его от силы десятков раз.

Мы кивнули друг другу. Я молчал, и Лихачев ничего не говорил.

– Пройдешь или мне собираться? – спросил я настороженно.

– Пройду, – сказал Лихачев с удивлением. – Есть разговор... А ты будто меня ждал?

Я покачал головой.

– Не ждал, но... в общем, кое-что случилось.

Глава вторая

Лихачев – правильный чел. Мы познакомились, когда уничтожитель Прежних разгромил Гнездо в бывшем Минкульте. Спаслись только Дарина и Наська, и то лишь потому, что их не было в здании.

В общем, дальше все закрутилось. Дарина в панике призывала меня на защиту Гнезда, возглавлявший отдел «Экс» в московской полиции Лихачев попытался меня завербовать... сам не пойму, получилось у него или нет. Мы как-то дальше не касались этой темы, хотя я получил право на ношение оружия и удостоверение консультанта (и недавно, после одной пустяковой истории в метро, убедился, что оно работает до сих пор).

Слишком много всего случилось, чтобы вспоминать такие мелочи.

Дарина появлению Лихачева обрадовалась. От еды полковник отказался, выпить чая согласился.

– Совсем перебралась к Максусу? – спросил он Дарину.

– Как будет себя вести, – ответила Дарина с достоинством.

Лихачев рассмеялся. Вот этим он мне и нравится. Никаких дурацких нравоучений.

– Я хотел посоветоваться с Максимом, но, если ты послушаешь, будет еще лучше.

Дарина кивнула.

– Экраны в Гнездах работают? – спросил Лихачев тоном человека, знающего ответ.

Я нервно рассмеялся, даже Дарина улыбнулась. Потом пояснила:

– Максим то же самое сегодня спрашивал... Работают. На Земле – да, на Саельм давно никто не уходил.

– А на Селену?

– Это плохая идея, – ответил я резко.

– Но ведь Инсек ушел?

– Да. Нет. Не знаю. – Я пожал плечами. – Высший велел, Инсек исчез. Может, на свой корабль, может, перенесся в свои миры.

– Скорее всего, ушел, – рассуждал вслух Лихачев. – Значит, его корабль стоит на Селене. Пустой.

У меня даже голова заболела от нехороших предчувствий.

– Игорь Григорьевич, – сказала Дарина. Она единственная звала полковника по имени-отчеству, да и то нечасто. – Не надо этого делать! Высший защитил Землю. Но мы не знаем, как на самом деле все это было и на каких условиях. Мы слышали только то, что говорилось вслух!

– А они общаются иначе, – добавил я, вспоминая полусон-полуявь про разговор Прежнего, Инсека и Высшего, вложенный в мою память Фортом. – Совсем иначе! Это поток информации, очень сложный, мы его воспринимаем лишь поверхностно, какую-то внешнюю форму! Но внутри – целые договоры с пунктами и подпунктами, условиями, согла-

шениями, исключениями...

Лихачев нахмурился, неохотно кивнул.

– Лучше сидим ровно, позволяем Высшему развиваться, – заключил я, ободрившись. – Занимаемся своей родной планетой. Ко мне вот сегодня Продавец приходил...

– Что?

Я коротко рассказал о визите Продавца.

– Он перенесся сюда? Без всяких экранов, без синтезаторов материи? – недоверчиво спросил Лихачев.

– Угу. – Я подвинул к полковнику рыжую шерстинку, лежащую в центре стола. – Вот, с его одежды упало. Или с морды. У него была лисья голова. Пусть аналитики проверят, убежден, что там неземная ДНК.

– А Максим никуда не собирается отправляться и ничего не станет выяснять! – твердо сказала Дарина. – И вам не надо лезть, ни на Саельм, ни на Селену!

– Американцы и китайцы возобновили программы пилотируемой космонавтики, – неохотно сказал Лихачев. – Наши, наверное, тоже. Только у меня нет такого допуска, чтобы знать про наших.

– Пока они еще построят ракеты, – я покачал головой. – Технологии потеряны, а многие теперь не работают.

Лихачев шумно вздохнул и выложил:

– Есть информация, что через одно из американских Гнезд был совершен переход на Селену.

Я посмотрел на Дарину. Та молчала, смотрела на Лихаче-

ва.

– И еще неподтвержденная информация о переходе китайской и бельгийской групп.

Почему-то я нервно хихикнул.

– Да, меня тоже удивило про бельгийцев, – согласился Лихачев. Покрутил в руках чашку, допил чай. – Меня попросили предоставить заключение о целесообразности нашего проникновения на Селену, я не рекомендовал. Попросили спросить у тебя, Макс.

– А что у меня-то...

Лихачев хмыкнул, достал из кармана полиэтиленовый пакетик с застежкой, аккуратно стряхнул в него рыжий волосок чайной ложечкой. Он что, всегда ходит с пакетом для улик?

– Хороший ты парень, Воронцов... У кого же еще спрашивать?

– Не надо, – твердо сказал я. – Мое мнение – не стоит.

Полковник кивнул, будто и не сомневался в ответе.

Я проводил Лихачева до дверей, там он наклонился к моему уху и спросил:

– Не ссоритесь?

Я замотал головой.

Лихачев удовлетворенно кивнул, будто Дарина приходилась ему дочерью или племянницей. Похлопал меня по плечу. И вышел.

А я вернулся на кухню, где Дарина убирала со стола. Взял пару чашек, стал мыть. Спросил:

– Ничего не хочешь мне рассказать?

– Я не знала про американцев, – произнесла Дарина. – Была уверена, что никто из наших не пропустит людей через экраны.

– Спросишь? – поинтересовался я.

– Конечно.

Мы навели порядок на кухне. Потом пошли и включили серию «Дочери Шелдона Купера», которую так мечтал досмотреть знакомый Продавец.

Довольно смешной сериал, но у меня голова была забита совсем другими вещами.

Потом я лежал в темноте, слушал, как дышит Дарина. Она стала больше спать – не как человек, конечно, но все-таки ложилась вместе со мной и несколько часов спала обычным крепким сном.

Меня это неожиданно потрясло. В Дарине становится больше человеческого. Теперь еще, оказывается, она может родить...

Вот те раз!

А я к такой неожиданности готов? Оно мне надо?

Я, между прочим, лишился своего основного заработка! Серчеры стали не нужны, лут никто не покупает.

Хотя ходили слухи, что государство вот-вот начнет скупать кристаллы. Вряд ли секрет их употребления остался секретом, Лихачев все наблюдал, отчеты писал... Смыслы государству пригодятся.

И не только России. Метод наверняка узнают и другие страны. А еще авантюристы, жулики и наркоторговцы. Большинство кристаллов несет лишь эмоциональный заряд, ну так этого как раз люди и ищут, когда употребляют наркоту. Некоторые будут мечтать пережить чужую любовь или восторг, а некоторым понравится тоска или злость.

А тут еще вылазки на Селену!

Американцы и бельгийцы. Скучные обстоятельные бельгийцы куда полезли, вспомнили колониальные времена, что ли?

Сейчас начнется: попытки разобраться в инопланетной технологии, подчинить себе корабль Инсеков... всяческая гонка вооружений... мало нам было двадцатого века...

Я вдруг очень четко представил себе Ивана.

Прежний ухмылялся, глядя на меня: «Что, добились своего? Выгнали нас? Ну-ну, поживите сами, мы посмотрим...»

Черт.

Я заворочался.

Может, это и не фантазия, не дрема, а Прежний каким-то образом отправил мне послание через бездны космоса. Они такие, хоть и нелюди, но злопамятные и с огромным самомнением!

Я даже встал и пошел на кухню, попил водички. На глаза попался учебник истории. Что там, если разобраться, в нашем прошлом? Сплошные амбиции, войны, обиды друг на друга, попытки слабых стать сильными или прилепиться к

сильным.

А я вдруг решил, что Высший все это разом исправил?

Милана живет обычной жизнью, что бы ни было в доставшемся ей смысле – оно не стало мгновенным чудом, которое все изменило. Высший лишь обеспечил собственное появление, а сколько сотен или тысяч лет люди будут барахтаться в крови, его особо не интересует. Я же помню тот миг, когда он входил в меня! Да, в нем было слабое сочувствие и приязнь, но в основном – раздражение от окружающих.

А появление Продавца?

Зачем он пришел, как именно, и кто мог его остановить, если ни Превжних, ни Инсека на Земле нет?

Неужели он действительно погиб?

Нет, надо предупредить Измененных. Никаких визитов на Селену!

С этой мыслью я вернулся в спальню, забрался в кровать и уснул, обнимая Дарину.

Самым странным за прошедшие два месяца было то, что Гнезда почти не изменились.

Никто больше не уходил через экраны на Саельм. Никаких распоряжений от Инсека не поступало.

Но Измененные по-прежнему занимались своими делами, обучались и проходили военную подготовку. И к ним по-прежнему пытались передать больных детей отчаявшиеся родители.

Когда мы с Дариной подошли к бывшему Минкульту, я подумал, что Гнездо похоже на брошенный где-нибудь на стройке механизм. Рабочие ушли, побросали инструменты, но забыли выключить компрессор. И вот он стоит, тарыхтит, выбрасывая сизый дымок, гонит вхолостую воздух в шланги. Пока есть топливо, будет и видимость работы...

У входа в Гнездо стояла женщина средних лет, в длинном платье и темном платке на голове. Наверное, она была моложе, чем выглядела, и я догадывался, почему.

На руках у нее был ребенок. Маленький, года два, в ярком оранжевом комбинезончике. Ребенок спал, как-то очень безвольно повиснув у женщины в руках.

Я прислушался к Гнезду, уловил его слабый бесконечный гул. Люди слышат его иначе, но он вызывает беспокойство, поэтому рядом с Гнездом не задерживаются.

Но женщина стояла, и мне показалось, что она тут уже давно.

– Девочка... – позвала женщина. – Девочка... ты из Гнезда? Ты жница?

Дарина остановилась.

Да, у нее были длинные волосы, и одевалась она в человеческую одежду, но кожа оставалась слишком гладкой, и радужка глаз мерцала сиреневым.

– Да, – сказала Дарина. – Я жница.

– Девочка, как тебя зовут, девочка?

Я мрачно смотрел на женщину. Ничего хорошего этот раз-

говор не предвещал.

– Дарина.

– Дарина, ты хорошая девочка, – быстро заговорила женщина. Я подумал, что она откуда-то с Северного Кавказа, судя по легкому акценту и чертам лица. – Дарина, помоги мне? Моя детка болеет, а Гнезда больше не берут детей.

– В Гнездах нет мутагена, – сказала Дарина тихо. – Мы получали его от Продавцов, но Продавцы ушли.

– Я знаю, знаю, – закивала женщина. – Но посмотри, какой он славный... Может быть, у вас осталось немного?

Дарина сделала шаг, заглянула в лицо ребенку. Потом отступила, внимательно посмотрела на женщину.

– Он маленький, ему немножко надо, – пробормотала женщина. – Он станет стражей, большим и сильным.

– Я спрошу, – сказала Дарина. – Мутагена нет. Но я спрошу.

Женщина часто закивала и что-то зашептала беззвучно. Наверное, ей было достаточно того, что Дарина пообещала спросить.

– Зачем ты ей пообещала? – спросил я тихонько, когда мы поднимались по ступенькам. – Ты же знаешь...

– Мутаген не поможет, ребенок уже умер, – ответила Дарина вполголоса. – Может даже, еще вчера. Она сошла с ума...

Я взял ее за руку, мы остановились. Обернулся на женщину, качивающую мертвого ребенка.

– Дарина...

– Ничего не поделаться, – прошептала Дарина. – И раньше Гнезда спасали не всех. Но...

Мне показалось, что она сейчас заплачет. Но она сильная, она сдержалась. Вместо этого озабоченно произнесла:

– У меня нервы стали какие-то дерганные. Настроение скачет. Слушай, это у всех девушек так? В особые дни?

– Ну... не знаю... – смутился я. – У кого больше, у кого меньше... Да, у всех.

– Тяжело вам с нами, – вздохнула Дарина. – Ладно, я буду себя контролировать. Это всего лишь гормоны.

Мы вошли в Гнездо.

У входа дежурила незнакомая стража. Без оружия, конечно. Помещение преобразилось – исчез весь мягкий хлам, которым раньше был завален пол, большую часть лампочек поменяли, и внутри стало светло. Еще изменился запах, тот характерный запах влаги, ветхости, чужой жизни, который был раньше. Он вроде как и остался, но что-то яркое и острое из него ушло, а что-то смутно знакомое добавилось. Может, в Гнезде вентиляцию запустили?

– Та, что вы сделали? – удивилась Дарина. Она стражу различала лучше меня.

– Ты давно не заходила, – ответила стража. – Мы убрали лишнее! Нам не надо больше готовиться к планетам с зыбкой почвой.

Дарина пожала плечами. Сказала:

– Нам надо поговорить с хранителем.

Стража не удивилась.

– Идите, она ждет.

Но идти не пришлось, хранитель Гнезда вышла навстречу. Странная девочка, которая так мечтала стать Измененной, что сама себя изувечила. И, по сути, «запрыгнула в последний вагон», получив мутаген перед самым уходом Продавцов.

– Здравствуй, Лю, – сказала Дарина.

– Здравствуй, Дарина, – ответила хранитель.

Дарина некоторое время занимала пост хранителя, но чисто формально, мутаген она не принимала. А Лю, которую в человеческой жизни звали Людмилой, прошла все фазы Изменения. Она вытянулась, глаза стали ослепительно-белыми, с такой крошечной точкой зрачка, что и не заметишь.

– Я ненадолго, – произнесла Дарина. Мы остановились в дальнем углу от входа, рядом с лестницей. Хранитель не то чтобы мешала нам пройти дальше, но словно намекала – не стоит.

– Догадываюсь.

Формально Дарина оставалась жницей и членом Гнезда. Фактически она жила со мной. Все сложно...

– Я пришла предупредить. Человеческие власти хотят попасть на Селену. На корабль Инсеков.

– Знаю, – ответила хранитель невозмутимо. – Наши говорили об этом.

– Ходят слухи, что кое-кто уже воспользовался экранами... – осторожно произнес я.

– У нас нет матери Гнезда, – ответила Лю. – Для такой информации нужен доступ матери.

– А какая информация есть? – не унимался я. Было у меня ощущение, что хранитель не слишком-то мне рада, но отношения надо налаживать.

– Говорят, что некоторые Гнезда разрешили переход на Селену, – поколебавшись, все же ответила хранитель. – Маленькое гнездо в Хьюстоне. Гнездо в Брюсселе. Гнездо в Гуанчжоу. Гнездо в Бангалоре.

– Хьюстон, у нас проблемы... – пробормотал я. США, Европа, Китай, Индия? Как тут рассчитывать, что наши останутся в стороне!

– К нескольким московским и питерским Гнездам тоже обращались с этим вопросом, – продолжала хранитель. – Я отказала.

– Правильно, – кивнул я.

– Только мать способна переключить экраны на корабль Инсека, – продолжила Лю. – Я так и объяснила.

– А если бы ты была мать Гнезда? – резко спросила Дарина.

– Я бы думала, – ответила Лю с достоинством. – Прежние ушли, Инсеки ушли, Продавцы ушли. Мы живем в России. Мы зависим от правительства. Нам дают продовольствие, позволяют занимать помещение. И... – Она помедлила. – Я

русская девушка.

– Ты Измененная, – заметил я.

– Ну и что? Если другие Измененные уже позволили людям пройти?

Наверное, она была права.

Нет, серьезно, почему американцам и индейцам можно, а нам нельзя?

– Это плохо, это опасно, мы не знаем, к чему все приведет! – сказал я. – Надо объяснить...

– Ну так ты и объясняй. – Лю уставилась на меня белыми, будто слепыми, глазами. – Ты особенный, призванный дважды... прости, могу я опустить все титулы?

Похоже, придется признать – она меня не любит.

– Все-таки я не Измененный, – сказал я. – Вам надо принять общее решение...

– Общее? – удивилась хранитель. – Инсека нет. Каждое Гнездо само по себе. Каждая мать сама решает, как поступать. Если кто-то попытается указать другим – будет война.

Я даже не думал об этом!

Гнезда всегда казались мне едиными. Несмотря на расстояния и границы. Я знал, что там, в Галактике, Измененные из разных Гнезд порой воюют друг с другом, но не на Земле... разве что по приказу Инсека...

Хотя – опасалась же Дарина, что уничтожитель выведен в Большом Гнезде?

– Ты доволен сделанным выбором, Макс? – неожиданно

спросила хранитель.

Да, она меня не любит.

Однозначно.

– А ты хотела, чтобы все оставалось как есть? – ответил я.

Хранитель по-человечески пожала плечами.

– Перемены всегда к худшему.

– Если так считать, то надо сидеть в пещерах и охотиться на мамонтов! – вмешалась Дарина.

Хранитель посмотрела на нее.

– Когда Землей правили Прежние, мы даже не слышали о них. Мне было шесть, у меня был маленький розовый телефон, я смотрела Влада А-четыре, хотела стать видеоблогером, и у меня все было хорошо! Потом Перемена, Инсеки, никаких блогов и даже телефонов! Инсеки сказали, что так нам лучше. Я хотела, чтобы все было как при Прежних, хоть я про них и не знала. Но я решила, что буду с Инсеками.

Обычно хранители говорят спокойно, холодно. Мне даже казалось, что они не умеют испытывать эмоции.

Но у Лю получилось.

– Я стояла на балконе, я забралась на перила и смотрела вниз. Мне было очень страшно! Надо было разбиться, но не насмерть. И я не знала, сработает ли мутаген, я ведь уже большая, я даже потрахалась с одним парнем, чтобы знать, как это! Но я прыгнула вниз. И стала Измененной.

Мы молчали.

– Но вы решили, что с Инсеками плохо. Вы всех прогна-

ли. Теперь я хранитель Гнезда без матери, у нас нет мута-
генов, жницы и стражи не знают, что им делать. Приходят
люди из правительства. Просят показать разные штуки, ко-
торые у нас есть. Дать им оружие Инсеков. Намекают, что
Министерству культуры нужно здание... и что содержать нас
дорого... потом опять просят оружие и разные штуки. Я не
знаю, сколько проживет Гнездо. Я не знаю, что с нами будет.
А снаружи второй день стоит сумасшедшая женщина с мерт-
вым ребенком!

– Мы не знали, что так будет, – сказала Дарина тихо. – Мы
хотели как лучше.

– Все хотят как лучше, – отрезала хранитель. – Все дума-
ют, что проблемы кончаются с победой. А с победой просто
приходят новые беды...

Она вдруг обмякла, опустила плечи. Я подумал, что, хоть
она ростом с меня и выглядит жутко, но ей всего четырнад-
цать лет.

Это ребенок, который резко поумнел, повзрослел – и по-
нял, что ему не хватает сил быть взрослым.

– Мне очень жаль, – сказал я. – Если как-то можно что-
то исправить...

– Гнездо на Олимпийском этой ночью согласилось от-
крыть проход на Селену, – сказала хранитель. – Многие
Гнезда осудили это решение. Но Раменское Гнездо сказало,
что мы должны сотрудничать с властями... и все замолчали.
Пройдет еще месяц, и Большое Гнездо будет решать все и

за всех.

– Мы поедем на Олимпийский, – произнес я. – Спасибо, что сказала. Нам... нам правда жаль. Так ведь, Дарина?

Она молча кивнула, вцепившись в мою руку.

– Скажи, призванный... – Хранитель помедлила. – Если бы все вернулось назад, и ты выбирал, что сделать – оставить Инсеков, вернуть Прежних, прогнать всех... как бы ты поступил?

Я подумал.

Нет, я серьезно подумал, прежде чем ответить.

– Я поступил бы так же.

Хранитель кивнула. И сказала:

– Можете пройти на Олимпийский через экран. Мне кажется, что к их Гнезду будет трудно подобраться снаружи.

Экраны Инсеков не разнимают тебя на части, когда через них проходишь. Честно говоря, меня это радовало. Один раз я воспользовался технологией Продавцов – меня разобрали на элементарные частицы, мгновенно передали информацию через сотни световых лет и собрали на Земле заново. Из других частиц, между прочим. Ничего ужасного я не ощутил... но порой просыпался ночью и думал: «Остался ли я собой?».

Или я лишь копия, двойник, а настоящий Максим Воронцов распался на бозоны и фермионы, из которых Продавцы потом понаделали товаров для тэни?

Нет уж, лучше «совмещение пространств», как это на-

зывали Измененные. Этим методом пользовались Инсеки и Прежние, хотя временами экраны отказывались работать на больших расстояниях из-за отсутствия резонанса (Дарина однажды попробовала объяснить про резонанс, когда мы болтали перед сном, но на словах о пространстве Калаби-Яу и фазовой скорости тахионов я позорно уснул).

Однако на Земле экраны обычно работали исправно. И входить в них было не страшно. Можно было даже высунуться, посмотреть на другую сторону, а потом пройти – или вернуться.

Хранитель провела нас в защищенную зону Гнезда. Мы никого не встретили по пути – наверное, все многочисленные куколки учились или тренировались.

Мне снова пришла в голову неприятная мысль о забытом и работающем по инерции механизме.

– У тебя не будет проблем из-за нас? – спросил я.

– Вы часть Гнезда, даже ты, Макс, – ответила Лю. – Переход в другие Гнезда не запрещен.

Никаких пультов, конечно, ей не требовалось. Часть металлической стены заблестела, формируя экран.

– Спасибо, Лю, – сказала Дарина. – Мы попытаемся их переспорить.

Хранитель не посчитала нужным ответить. Так и осталась стоять, глядя нам вслед, когда мы подошли к экрану.

Глава третья

Заглядывать в чужое Гнездо мне казалось неудобным.

Так что мы просто вошли в экран и вышли в Гнезде на Олимпийском.

Из бывшего Министерства культуры в бывший «Уголок дедушки Дурова». Что и говорить, во время Перемены российская культура понесла большие потери. Хорошо хоть, что оба московских цирка уцелели.

Защищенная зона Гнезда была точно такой же, как и в Гнездниковском. Вот только если провожала нас одинокая хранитель, то на Олимпийском мы вышли в битком набитый зал.

Во-первых, тут были мать, хранитель, два монаха и три старшие стражи, видимо – охрана. К стражам, монахам и хранителям я привык.

А вот мать своими глазами увидел впервые.

Она была ростом со старшую стражу и очень толстая. При этом непостижимым образом ухитрялась выглядеть... вот даже сформулировать трудно... дружелюбно? Приветливо? Заботливо? Лицо осталось человеческим, выглядело молодым, но совсем бесполом, волосы были умеренно длинными, серо-стальными, у людей такого оттенка не бывает, на седину это не походило. Почему-то хотелось подойти к ней, прижаться, начать что-то рассказывать, жаловаться и требо-

вать утешения...

Я тряхнул головой, прогоняя наваждение.

Это все из-за ее облика.

Мать Гнезда выглядит так, как воспринимает мать маленький ребенок. Большой, мягкой, уютной и одновременно строгой и сильной.

Имеющей право и хвалить, и ставить в угол.

А еще, насколько я знаю, она источает феромоны.

Ну на фиг, эта «мать» младше меня, и она может быть парнем!

– Максим, призванный, – сказала мать и мягко улыбнулась. – Я не удивлена, Максим.

Но помимо Измененных тут были и люди.

Полковник Лихачев. Рядом с ним костлявый старикан под два метра ростом, хоть и в штатском, но с военной выправкой. И пятеро в скафандрах с зеркальными шлемами.

На них, конечно, были не космические скафандры, а что-то вроде силовой брони полицейских. Только посовременнее, чем та, которую носили ребята Лихачева. Она была чешуйчатой, напоминающей комбинезоны Измененных; пластинки брони радужно переливались и отблескивали, будто призмы под лучом света. Все пятеро держали в руках какие-то контейнеры и оружие.

Удивления наше появление не вызвало. Видимо, при установке связи Гнездо сообщило матери, кто к ним идет, а та предупредила людей.

– Макс! – сказал Лихачев с укором. Высокий в штатском посмотрел на него осуждающе.

– Не надо туда ходить, – сказал я. – Пожалуйста! Это неправильно.

Почувствовал, что Дарина выдирает руку из моей ладони, глянул на нее – она медленно, как загипнотизированная, двигалась к матери Гнезда.

Я сжал ладонь крепче, и Дарина остановилась.

Это все феромоны.

– Макс, я передал твое мнение, – сказал Лихачев. Выглядел он нерадостным. – Но не мы первые это начали. Надо выяснить, что происходит в корабле Инсека.

– Да как же вы не понимаете! – воскликнул я. – Это боевой корабль, он может планету разнести на куски!

– Тем более, – сухо сказал высокий. Подошел к нам. Положил мне руку на плечо таким уверенным жестом, что я даже не возмутился. – Максим, мы взвесили все за и против. Есть решение руководства. Ребята идут осмотреться, никто не собирается захватывать корабль, нажимать кнопки, взрывать планеты.

– Там нет кнопок, – возразил я. У меня заколотилось сердце. – Там все подчинялось командам Инсека.

– Мы читали твои отчеты, Максим. И ребята читали.

Он по-прежнему держал руку на моем плече, отеческим жестом уверенного в своих решениях начальника.

– Ты опасаясь, что появление людей запустит какие-то

процессы в корабле? Так этого бояться поздно. Туда прошло пять групп из разных стран.

– Все равно... – сказал я, уже понимая, что проиграл. – Зачем повторять чужие глупости?

– Вот ты и приглядишь, чтобы глупостей не случилось, – улыбнулся старикан. – Мы будем на связи с командой... ты ведь консультант у Лихачева, верно? И на корабле бывал. Поможешь?

Я посмотрел ему в глаза. И позволил смыслу, когда-то поглощенному на Трисгарде, заработать.

Такое ощущение, будто старикан понял, что я делаю. Он прищурился, но не отвел взгляд, и я провалился в его глаза.

Будто на камни рухнул с высоты.

У него все было четко и правильно. И неспешно. Он не семь раз отмерял, прежде чем отрезать, а семьдесят семь. Все строилось медленно, но уж если план был принят, то он выполнялся. Предельно осторожно. С минимальным риском. Под полным контролем.

Он и жил точно так же, как работал.

И при малейшем сомнении предпочитал ничего не делать. Сейчас у него сомнений не было.

Я сдался и отвел глаза. В то же мгновение старикан убрал руку, будто решил, что придерживать меня больше не стоит.

Интересно, кто из нас друг в друге больше прочитал?

Вместе со стариком мы отошли от экранов к Лихачеву. Хранитель взирала на нас мрачно, мать Гнезда – с улыбкой.

Лихачев выглядел смущенным и расстроеным.

– Что ж, у нас прибавление в команде. – Старик казался самым довольным из собравшихся. – Отважная юная пара... наш мост между Измененными и людьми... Вы же не против, Ла?

Мать Гнезда кивнула.

– Меня зовут Леонид Владимирович, – сказал старик таким интригующим тоном, словно выдал мне какую-то государственную тайну. – Я курирую отношения с Измененными в правительстве.

– А я полагал, что этим занят Иван Андреевич.

Леонид Владимирович кивнул.

– Он был моим коллегой. К сожалению, мы не знали... его истинной сущности. Ну что, команда отправляется... начнем?

– Я готова открыть проход, – сказала мать Гнезда. – Если вы готовы...

В ее голосе слышалась искренняя забота.

Скорее из упрямства, чем надеясь на что-то, я потянулся к разуму Гнезда. Я знал, что это чужое Гнездо, в котором не хранилось отпечатка моего сознания, я даже не был уверен, что получу ответ.

Но ответ пришел. Волна эмоций, смущение и растерянность, печаль и досада. Гнезду тоже не нравилось, что люди отправятся на Селену, но решение принимало не оно.

«А если я попрошу не открывать переход?» – мысленно

спросил я.

Нет, я больше не мог командовать чужими Гнездами. Это ушло вместе со вторым Призывом. Но в ответной волне образов я уловил сомнение... и согласие.

Гнездо подчинится!

Оно снимет с себя ответственность. Сделает вид, что обязано подчиниться.

Я быстро повернул голову и посмотрел на мать Гнезда.

А мать посмотрела на меня.

Кажется, мы сейчас держались за одни и те же рычаги управления!

– Как тебя зовут? – спросил я.

Мать смотрела на меня. Улыбка уходила с ее лица, сменялась печалью.

– Лара. Максим, неужели ты думаешь, что я хочу чего-то плохого?

Нет, я так не думал. Мать Гнезда воплощала заботу и безопасность. Но я боялся, что сейчас, в новом мире, где Измененные утратили смысл своего существования и поддержку Инсека, мать не знает, что хорошо, а что плохо.

Я вдруг понял, что все смотрят на меня.

Измененные догадались, что происходит. Мать выжидала, монахам было любопытно, стражи просто ждали приказа.

– Все хотят только хорошего... – прошептал я.

И разорвал контакт с Гнездом.

Мать кивнула. Вновь спросила:

– Я открываю проход?

Леонид Владимирович кивнул, и экран, через который мы прошли, вновь засветился. Пробежали синие искры, поверхность наполнилась серой мглой.

– С Богом, – сказал Лихачев и быстро, будто стесняясь, перекрестился.

Пятеро в скафандрах, так и не сказавшие ни одного слова, двинулись к экрану. И прошли через него, не останавливаясь и не колеблясь.

– Это ваши? – спросил я Лихачева. Не время было дуться и обижаться.

– Нет, – ответил он, явно обрадовавшись, что мы заговорили. – Это очень серьезные ребята.

– Ла, как насчет связи? – спросил Леонид Владимирович. Рядом с работающим экраном, открытым на Селену, засветился второй, поменьше. На нем появилось изображение – приглушенный свет, мягко изогнутые стены серо-синего металла.

Корабль Инсека!

Судя по тому, что изображение поворачивалось из стороны в сторону, работала камера, закрепленная на шлеме одного из «серьезных ребят».

– Майор, у нас есть картинка, – сказал Леонид Владимирович. – Доложите обстановку.

– Переход нормальный, команда в сборе, находимся в пустом помещении, отвечающем описанию, – голос майора

был спокойным, собранным. – Сила тяжести низкая. Признаков активности не наблюдаем. Атмосфера на месте. Анализаторы включены.

– Хорошо, майор. Не спешите. Полный цикл контроля среды, потом запускайте дроны. Скафандры не снимать!

– Есть, товарищ генерал, – ответил майор.

Леонид Владимирович подмигнул мне. Наклонился и сказал шепотом:

– На самом деле я давно в отставке. Но ты же понимаешь, десантникам проще подчиняться генералу, чем чиновнику!

Я подумал, что генералов в отставке не бывает. Или так про сотрудников госбезопасности говорят? Да не важно, скорее всего, Леонид Владимирович там и служил, в танке или самолете его представить было сложно.

Судя по картинке, помещение, где оказалась «команда», было просторным и совершенно пустым. Округлые стены, конусом уходящий вверх потолок, будто в цирке или церкви, несколько темных проходов. Тот же металл, что и в защищенной зоне.

– Сбор информации и обустройство лагеря займут почти час, – сказал генерал. – Может быть, выпьем чая, уважаемая Лара?

– Непременно, – ответила мать.

– Я останусь, посмотрю за ребятами, – пробормотал Лихачев. Я опять поймал его смущенный взгляд.

– Я тоже останусь, – решила хранитель. Отошла к мона-

хам – те стояли у стены, перед ними тоже возникли небольшие экраны со стремительно бегущим текстом. Тоже изучают корабль или поддерживают открытый переход?

Леонид Владимирович похлопал меня по плечу.

– Пойдем? Чай, с бубликами и блинами? А?

Чая я не хотел, лучше бы остался с Лихачевым. Но вот глянуть на чужое Гнездо...

Дарина не возражала, и мы пошли. Металлические двери защищенной зоны мягко сомкнулись у нас за спиной.

Все Гнезда непохожи, но это оказалось совсем уж странным. Все внутри было заставлено фанерными и пластиковыми щитами, превратившими помещения в лабиринт из узких проходов. Кое-где к перегородкам добавлялись поперечные балки и грубо сколоченные подиумы – приходилось нагибаться или карабкаться вверх. В нескольких местах по перегородкам струилась вода, стекая в решетчатые дыры в полу. Свет был тусклым, почти как в Гнездниковском Гнезде, но странного синеватого оттенка. И запах – тяжелый, гнилостный, животный.

Мать шла впереди, ловкая и грациозная, несмотря на свои габариты, рядом с ней держалась одна из стражей, вторая замыкала процессию. Третья осталась с Лихачевым, хранителем и монахами.

– У нас своеобразно, – сказала мать, словно извиняясь.

– Поставляли бойцов для планет с пещерами? – спросил я.

– Есть шесть карстовых миров, важных для Инсеков, – признала мать.

– И везде так воняет? – не удержался я.

– Нет. Это слоны. – Мать Гнезда повернулась на ходу, улыбнулась. – Мы поселились здесь, а слоны остались. Считалось, что временно, но как-то все привыкли, они почти как часть Гнезда. Куколки очень любят слонов. И мышей, они тоже остались.

Идущая рядом с матерью стража обернулась и сказала:

– Все любят мышей.

И подмигнула. Только после этого я узнал ее. Эта стража вчера приходила играть в волейбол. Я кивнул в ответ:

– Кроме слонов.

Леонид Владимирович фыркнул. Надо же, мне казалось, что он не склонен веселиться просто так.

В театре зверей тоже было кафе, к которому мы и вышли, не встретив по пути никого из Измененных. Такое ощущение, что им всем велели не показываться на глаза. И в самом кафе тоже никого не оказалось, хотя на одном, самом большом столе кипел огромный расписной самовар, стояло варенье в вазочках, на блюдах лежали баранки, бублики, блины. Надо же, угадал генерал!

Хотя почему угадал?

– Это по случаю нашего прихода? – спросил я громким шепотом. – Или поставили Гнездо на довольствие?

Леонид Владимирович кивнул:

– Поставили.

– Похоже, первая российская высадка на Луну обошлась бюджету не слишком дорого, – пробормотал я.

Мать посмотрела на меня укоризненно, а вот Дарина едва заметно кивнула.

– Хорошо быть молодым и прямолинейным, – сказал генерал без всякой обиды. – Теперь понимаю, почему Лихачев за тебя горой стоит.

– Что ж вы ссоритесь-то, – вздохнула мать. – Садитесь...

Она сама принялась разливать кипяток, подливать заварку из красного фарфорового чайника.

– Тебе покрепче, Максим?

Я хмуρο кивнул.

– Трудно стало, когда ушли Продавцы, – мать покачала головой. – Несколько куколок забрали родители, но одна уже вернулась. Им нелегко жить с людьми, не слыша Гнезда. Две жницы тоже ушли. А несколько стражей шепчутся, хотят на Саельм... думают, я не знаю.

– Вы меня упрекаете? – спросил я.

– Нет, Максим. И ты нас не упрекай.

Я посмотрел на Лару и подумал, что матерями их называют неправильно. Наверное, их стоило звать бабушками. Обычно бабушки мудрее и мягче, они уже на своих детях потренировались, внуков им воспитывать проще.

– Ладно, больше не буду... – сказал я и осторожно глотнул чая.

А в следующий миг подскочил, будто ошпаренный.

Гнездо!

Из рук матери выпал чайник, ударился о край стола – и разлетелся вдребезги, разбрызгивая густую заварку. Гнездо не говорит, оно посылает эмоциональные волны, в которых можно прочесть информацию. Если бы сейчас на месте Гнезда был человек, он издал бы крик, в котором смешались страх и призыв о помощи.

С прежними скоростью и грацией мать Гнезда кинулась к двери и выскочила из кафе. Стражи, которые оставались у входа, метнулись за ней.

– Что... блин! – Леонид Владимирович, едва успевший устроиться за столом и протянувший руку за бубликом, вытаращился на меня. Исчезновение матери пробило его самообладание. – Максим!

– Вы лучше сидите! – крикнул я, выбегая вслед за Ла. Дарина кинулась за мной.

Матери и стражей уже не было, где-то в лабиринте перегородок слышался топот ног. Дарина сориентировалась быстрее, я побежал за ней.

Гнездо вопило. Гнездо призывало на помощь.

Может быть, в Гнездниковском я сумел бы добиться от него большей информации. Да там и двигался бы уверенно, призванный чувствует кратчайший путь.

Здесь я лишь старался не отстать от Дарины.

Как мы ни бежали, но догнать мать и стражей не успели,

они ворвались в защищенную зону первыми.

А вот что я успел заметить (и мне это совершенно не понравилось), так это выступы на раскрывшихся перед матерью дверях. Будто в двери с чудовищной силой колотили изнутри!

Призыв, мне нужен был Призыв! Хотя бы тот, самый первый, дающий силу и скорость Измененного! Мысленно я закричал, перекрывая вой Гнезда, привлекая к себе внимание, и меня слышали – движения Дарины словно замедлились, теперь мы были с ней в одном темпе.

Вслед за Дариной я вбежал в защищенную зону.

Первое, что я увидел, – разбросанные по полу тела. Они были так изодраны, что я даже не смог понять, трое их или четверо.

Мы же уходили, оставив Лихачева и хранителя с одной стражей, откуда остальные? Первыми прибежали на зов Гнезда или пришли сразу после нас?

Потом я понял, что это останки стражи и монахов.

Те старшие стражи, которые вернулись с матерью, были живы. Пока еще живы. Они стояли в боевых стойках, руки их вытянулись на всю длину, когти выдвинуты. Если бы я не ускорился, то вряд ли сумел бы различить их движения.

Стражи прикрывали мать, склонившуюся над забившимся в угол защищенной зоны окровавленным хранителем.

А вот существ, с которыми они сражались, я никогда раньше не видел, даже в лагере на Саельме, где мне показыва-

ли сотни боевых форм Измененных и аборигенов с разных планет. Похожие на людей, но какие-то раздутые, опухшие, с лоснящейся белой кожей, абсолютно голые, без всяких половых признаков, на вид совершенно не опасные, скорее комичные. Их было пятеро, и, на мой взгляд, для старшей стражи они не представляли никакой опасности.

Вот только удары никак им не вредили.

Рассеченная когтями кожа мгновенно стягивалась, лишь проступала на миг в месте разрезов густая белая жидкость. Нейротоксин, который был смертелен даже для самой стражи, на странных пришельцев тоже не действовал. А вот их удары сбивали стражу с ног.

Что меня порадовало – Дарина не кинулась безрассудно на помощь страже. Вместо этого метнулась к лежащему хранителю, подняла и понесла прочь из защищенной зоны, внезапно ставшей самым опасным местом в Гнезде. У хранителя были переломаны ноги, окровавлено лицо и, кажется, распорот живот.

Как эти оплывшие создания, с мягкими и пухлыми, будто сосиски, пальцами, ухитряются наносить раны?

Через мгновение я понял. Трое пришельцев бросились на знакомую мне стражу, та блокировала удары одного, второго, а последнего попыталась ударить ногой, но пухлый белый человечек увернулся, вытянул вперед руки. Из пальцев выскользнули тонкие, будто иглы, белые лезвия – и вонзились страже в грудь.

Гнездо плеснуло волной боли и отчаянья.

Стража отступила, мгновенно утратив легкость движений.

Похоже, ей пробили левое, основное сердце.

Странные создания знали, как убивать Измененных.

А я понятия не имел, как с ними драться. Даже ровианские гвардейцы как-то реагировали на удары. Даже Продавца можно было повредить, даже Прежнего или Инсека вывести из строя, хотя бы временно.

Но драться с этими пухлыми существами?

Словно подушку колотить...

Но стоять и смотреть, как убивают Измененных, тем более знакомых, я не мог. Все-таки я оставался Защитником, пусть и бывшим.

Я бросился вперед, заслоняя раненую стражу. Ноги скользили в крови, заливающей пол.

Трое пришельцев остановились, уставившись на меня. Конечно, если слово «уставившись» годилось – на сужающейся к макушке голове имелись два больших глаза, но они казались нарисованными или наклеенными, черные овалы на белой коже, без зрачков и радужки.

Что-то они мне все-таки напоминали, но не пойму, что.

Наступила секундная заминка. Те двое, что сражались с другой стражей, тоже остановились. Раненая стража тяжело дышала за моей спиной.

– Уходите, – сказал я чужакам, хотя мне меньше всего хо-

телось их отпускать.

Существа молчали. Да им и отвечать было нечем.

Один из пришельцев пошевелил пальцами – из них выскользнули и снова втянулись тонкие лезвия. Угроза?

– С линии огня! – рявкнули за спиной.

Отставной генерал все-таки нашел защищенную зону и, похоже, достал оружие. Смело, вот только что им пули...

– Уходите! – повторил я с напором.

Все это время я продолжал звать Гнездо, мысленно требовать от него успокоиться, помочь, вывести мои способности на максимум.

Кажется, Гнездо пыталось.

Но что бы ни сотворил со мной Высший, избавляя от второго Призыва, сделал он это качественно, организм сопротивлялся.

Пока существа колебались, я смог рассмотреть их получше. Средний человеческий рост. Пухлые, будто воздухом накачанные тела... я мысленно обозвал их «дутиками» и решил, что прозвище годится.

На руках по пять пальцев, но все одинаковой длины, словно ребенок рисовал. На ногах пальцы лишь слегка намечены. Половых органов нет. Руки-ноги гнутся, как у людей, но суставов не видно. Никакого признака рта. Уверен, что и задницы нет.

А это совсем уж странно.

Все живое должно есть и пить, все живое имеет как мини-

мум два отверстия для ввода и вывода продуктов. Ну ладно, одно, если ты совсем уж простой червяк.

Роботы?

– В сторону! – снова рявкнул за спиной Леонид Владимирович. Ну надо же, еще один Лихачев нашелся на мою голову...

И тут мне стало не по себе. А где Лихачев?

Неужели в этом кровавом месиве под моими ногами?

Нет, я не кинулся на дутиков. Я медленно сместился в сторону, к той страже, что еще не была ранена. Пострадавшая стража последовала за мной, разумно держась дальше от пришельцев.

Откуда они появились? Из корабля Инсека? Переход по-прежнему работал, мерцал серым. Рядом светился обычный экран, транслируя изображение из корабля, но, кроме стен и потолка, там ничего видно не было.

– Выходите, я прикрываю, – сказал генерал напряженным голосом. Наверное, это было самым разумным – выйти из защищенной зоны, закрыть двери и хоть немного обдумать происходящее.

Но дутики были другого мнения. Все пятеро одновременно двинулись вперед мягкой переваливающейся походкой. Из пальцев выдвигались когти, а из кожи в самых разных местах лезли короткие граненые иглы.

Больше Леонид Владимирович говорить не стал, выстрелил.

К моему изумлению, у него оказался не какой-нибудь табельный офицерский ствол, а оружие Инсеков – стандартный плазменный пистолет. В груди одного из дутиков ослепительно полыхнуло. Стрелял отставной генерал метко.

Человеку таким выстрелом разнесло бы всю грудь, а возможно, и разорвало на две половины. В дутике возникла сквозная дыра, через которую можно было просунуть кулак. Он остановился, покачиваясь, мне даже показалось, что существо сейчас рухнет.

А потом белая кожа сошлась, осталось лишь маленькое обугленное пятнышко. Вот это было уже совсем плохо, плазмомет – оружие грубое, но надежное!

Мне казалось, что я отвык бояться. Но нет, страшно стало не на шутку. Я отступил к двери, потом краем глаза увидел, что мать Гнезда осталась стоять, подняв вверх руки... она что, сдается?

Мать резко опустила руки.

Защищенная зона вздрогнула, по ней прошла дрожь. Здесь все было из металла: и пол, и стены, и потолок.

И это был «живой» металл, как и тот, из которого состоял корабль Инсека.

Тысячи тончайших нитей выстрелили со всех сторон, пронзая дутиков насквозь. На миг они застыли, будто запутавшиеся марионетки. А потом нити заскользили, стремительно переползая с места на место, смещаясь с пола на стены, а со стен – на потолок.

Будто блендер или шредер, в который внезапно попали пять пухлых созданий.

Хорошо, что им нечем было кричать.

Плохо, что они все-таки оказались не роботами.

Слизью и плотью плеснуло во все стороны. Через секунду нити втянулись обратно, но и вся защищенная зона, и мы оказались покрыты ошметками тел, клочками белой кожи и обрубками когтей.

– Дерьмо... – произнес я, с ужасом глядя на останки дутиков.

Кстати, дерьмо, судя по запаху, тоже было.

– Мне пришлось импровизировать, – сказала мать Гнезда все тем же мягким ласковым голосом. – Готовых протоколов не было.

– Что это? – Генерал вошел внутрь, держа плазменный пистолет в опущенной руке. – Что это такое, простите? Что за мишленовские человечки?

Меня поразило, что он даже не выматерился. Впрочем, его «мишленовские» прозвучало как грубая брань.

Я только сейчас понял, что дутики и впрямь напоминали человечка из шин с рекламы «Мишлен».

– Прошли сквозь экран, – сказала мать.

– Их было семеро, – прохрипела хранитель. Дарина внесла ее на руках, ходить та, конечно, еще не могла, даже у Измененных кости не срастаются так быстро, но хранитель уже была в сознании и могла говорить. – Они утащили Лихачева.

Простите. Я не справилась.

– Что с нашими ребятами? – спросил генерал.

– Мне очень жаль, Леонид. – Мать нагнулась, подобрала что-то с пола и протянула ему. Я подошел ближе, не переставая коситься на работающий экран, и невольно скривился. Предмет оказался металлическим жетоном на обрывке цепочки. – Я боюсь, эти существа и были вашими людьми.

Да, выдержка у генерала оказалась железная. Он молча взял жетон, посмотрел, покачал головой.

– Нет. Это американский.

Все молчали. Мы с Дариной обменялись взглядами, понимая друг друга без слов.

Не стоило лезть в корабль Инсека. Не стоило!

– Возможно, какая-то защитная система, – сказала мать. – Активированная перед уходом ловушка для чужаков. Очень жаль.

Генерал стоял и смотрел на жетон. Потом обтер о штаны и положил в карман. Поглядел на меня.

– Зря мы вас не послушали, Максим.

Я кивнул. Я смотрел на экран перехода. На изображение корабля Инсека.

Из всех нас только я там был.

Возможно, системы корабля это помнят.

И я для корабля не совсем чужак.

– Нет! – воскликнула Дарина.

– Закрывайте проход, – сказал Леонид Владимирович, пе-

реводя взгляд на мать. – Мы ошиблись, да. Закрывайте.

Мать посмотрела на меня.

– Дайте ваш пистолет, – попросил я генерала. – Пожалуйста.

– Ты же видел, толку с него чуть.

– Лучше чуть, чем ничего.

Генерал покачал головой.

– Остынь, Максим. Они все уже мертвы... хуже, чем мертвы.

– Мы не знаем, – ответил я. В ноздри бил тяжелый запах крови, плоти и дерьма. Запах смерти. – Дайте, пожалуйста. Или я попрошу мать.

– Вдруг это вирус? – повысил голос Леонид Владимирович.

– Нет таких вирусов, чтобы залезть в скафандр, раздеть человека, заставить мутировать и покрыться белой шкурой! – упрямо ответил я.

– Дарина... – генерал повернулся к ней за помощью.

Дарина молча взяла из его рук пистолет и подошла ко мне. Сказала:

– Одного не пушу.

Я хотел сказать ей, что я не чужой кораблю. Что я защищал его от Слуг, и корабль может это помнить.

Но понял, что говорить бесполезно.

– Закройте за нами проход, – попросил я. – И открывайте каждые полчаса секунд на двадцать.

Леонид Владимирович пожевал губами. Его обляпало меньше, чем нас, но он тоже был в слизи и обрывках белой кожи.

– Мы подготовим вторую группу, – сказал он наконец. – Через три часа. Нет, через полтора.

Я не стал спорить. И говорить, что и вторая группа, и третья, и еще отряд бойцов с оружием Инсеков должны были быть тут изначально, тоже не стал.

Видимо, как часто случается, вся эта авантюра с экспедицией на корабль Инсека была полуофициальной, без лишнего шума и заметных приготовлений, чтобы в случае неудачи списать все проблемы на стрелочников.

Я прикрыл на миг глаза. Гнездо вроде бы успокоилось, перестало истерить. Надо же, какие они разные по характеру... может, это слоны влияют? Они существа нервные.

«Дай мне, что сможешь, – попросил я. – Все, что сможешь».

И пошел к экрану, стараясь не смотреть под ноги.

Глава четвертая

Жарко и легко – как и прежде в корабле Инсека, но совершенно нет приторного грибного запаха... значит, это был запах самого пришельца?

Вообще никакого запаха не чувствовалось, и никакой больше влажности, воздух горяч, сух и безвкусен – как в пустыне. Было темнее, чем раньше, словно работало лишь какое-то дежурное освещение.

Мы с Дариной стояли, прижимаясь друг к другу и озираясь. Это, несомненно, было то самое помещение, куда прошла группа десантников, – тихо жужжали разложенные приборы, оцетинившиеся какими-то антеннами и объективами. Маленький белый цилиндр, на котором мигала зеленая лампочка, астматически всхлипывал, втягивая и выпуская воздух, наверное, контролировал атмосферу. В сторонке лежали свернутые в рулончики серебристые пластиковые одеяла – они тут и ночевать собирались? И открытый ящик с сухими пайками, пластиковыми бутылками воды, крошечной газовой плиткой.

Да, питаться они тут явно собирались.

Рядом с экраном, в раскрытом металлическом чемоданчике, лежали в гнездах плазмометы и секадор, похожий на длинноствольный пиратский пистолет. Я сразу нагнулся и извлек его из гнезда. Это оружие то ли выпаривало, то ли вы-

мораживало воду из органики. Может быть, сработает против дутиков лучше, чем плазменный заряд...

Но дутиков не было. И десантников тоже.

– Никого, – зачем-то сказала Дарина. – Ты видишь следы боя?

Я покачал головой. В Гнезде пришельцы действовали очень кроваво. Я не мог представить, чтобы пятеро профессионалов в крутой броне, вооруженные до зубов, просто сдались им без боя.

– Эй! – позвал я. – Это Максим! Мы за вами! Как вы?

Тишина.

– Игорь Григорьевич! – позвала Дарина. – Товарищ полковник!

Ее голос разнесся в помещении, эхом отозвался под куполообразным сводом и стих. Никакой реакции не последовало.

Я осторожно отошел от портала – два шага унесли меня метра на три, обернулся – экран светился серым, он работал и готов был вернуть нас обратно.

– Максим!

Голос шел снизу, я вздрогнул. Увидел на металлическом полу крошечную камеру на треноге, опрокинутую и смотрящую вверх. Пожалуй, это был единственный беспорядок, все остальное вокруг выглядело образцово-показательным лагерем, разбитым в кратчайшие сроки.

Я поднял камеру, посмотрел в выпуклую линзу объекти-

ва.

– Леонид Владимирович?

– Что там, Максим?

– Ну... снаряжение.

Я поволил камерой из стороны в сторону. Она была в металлическом кожухе и совсем простая, даже не вращалась сама.

– То есть лагерь они разбили, – сказал генерал. Звук шел откуда-то из-под камеры, громкий, хоть и с зарезанными частотами. – Следов борьбы нет?

– Нет.

Леонид Владимирович откашлялся. Кажется, он был все-речь растерян.

– А как... вообще?

– Вообще ничего, – начиная ощущать весь идиотизм разговора, сказал я. Только что пятеро непонятных дутиков влегкую разнесли оборону Гнезда и были остановлены лишь чудом. За нашей спиной остался зал, похожий на скотобойню из фильма ужасов (вряд ли на реальных боях животных разрывают на кусочки).

А тут – тишь да гладь!

– На то, чтобы разложиться и поставить периметр, им выделялось десять минут... – сказал генерал наконец. И не выдержал, воскликнул с явным сомнением: – Совсем ничего подозрительного?

Похоже, его картина мира, логичная и выверенная, дала

трещину.

Я прошел по помещению – оно было почти круглым, с тремя туннелями в человеческий рост, уходящими в темноту. Повращал камеру в разные стороны. И сказал:

– Выключайте экран, мало ли... Мы осмотримся и пройдемся.

– Подожди, – попросил Леонид Владимирович. – Максим, давай мы оставим связь. Хотя бы пока вы не уйдете от экрана. Непосредственной опасности нет, Ла готова в любую секунду прервать переход.

Я глянул на Дарину – она кивнула.

– Хорошо, – согласился я. Поставил камеру на ящик с продуктами, чтобы в объектив попадало больше пространства. – Слушайте, а происходящее записывалось?

– Да, сейчас будем просматривать. Но хранитель говорит, что до момента появления этих...

– Дутиков, – подсказал я.

Генерал вздохнул.

– Пусть дутиков... До их появления ничего необычного не было. А потом стало не до наблюдения... Максим!

– Да, – глядя в камеру, сказал я.

– Вытащи Игоря, ладно? Мы с ним тридцать лет как дружны.

– Я постараюсь, – сказал я после заминки. Повернулся к Дарине. Та как раз делала то, о чем мечтал в своей жизни каждый ребенок, – готовилась подпрыгнуть при низкой силе

тяжести.

Наверное, это может показаться странным после только что случившейся бойни?

Ну так Дарина видела и не такое.

Она оттолкнулась, подлетела вверх метра на полтора, мягко опустилась. Улыбнулась.

– Как необычно...

– Необычно, – пробормотал я. И нахмурился.

Что-то было не так. Неправильно.

Но додумать я не успел, услышал в одном из туннелей легкий шорох. Чем-то это напоминало чистильщика, «тюменских мышей» – и я не стал раздумывать. Ткнул стволом секатора в сторону туннеля и выстрелил. Даже успел сдвинуть рычажок, меняющий широту луча.

По туннелю стегнуло оранжевым, но шорох не стих.

Из темноты медленно выкатился миниатюрный, размером с толстую книжку, гусеничный робот, похожий на игрушечный танк. Только вместо пушки у него из башенки торчала видеокамера.

Зеленая защитная окраска как-то недвусмысленно намекала, что это творение наших оружейников.

Не реагируя на выстрел (да и с чего бы, органики там нет), робот выбрался на середину помещения и остановился. На нем замигал крошечный желтый огонек.

– Максим, это разведывательный дрон, – донеслось из камеры.

– Дроны летают! – крикнул я.

– А этот ползает! Мы не знали, есть ли на корабле атмосфера! Как дышится, кстати? Никаких... подозрительных симптомов?

– Да никаких! Воздух стерильный, никакой отравы... – Я запнулся. И понял, что сказал это не случайно. – Нет тут вирусов! Я чувствую!

Какие-то способности Защитника ко мне все же вернулись. Пусть и не так четко и ясно, как после второго Призыва, но я ощущал, что никакой отравы в воздухе нет.

– Мне тоже так кажется, – кивнула Дарина. – Жницы ощущают чужеродные биоагенты... не так, как ты, конечно...

Я подошел к ней, взял за руку, заглянул в глаза. Спросил негромко, чтобы не услышал генерал:

– Ты точно в порядке?

– Что? – Дарина нахмурилась и понизила голос. – Макс! У меня... не инвалидность! Обычное для каждой женщины состояние!

Ну да, она угадала причину моего беспокойства.

– Я так, просто... – смутился я. – Вижу, что прыгаешь...

И тут у меня что-то щелкнуло и сложилось в голове.

– Постой, – сказал я, оттолкнулся от пола и подпрыгнул.

Плавно подлетел в воздух метра на два.

Опустился. И сказал:

– Дарина, мы на Луне.

Она непонимающе посмотрела на меня:

– Ну да. На Селене. Где же еще?

Я покачал головой.

– Нет, ты не поняла. Сила тяжести не та. Десантники не сообразили, но я-то, дурак, я же был... На Селене еще легче, там как воздушный шарик взлетаешь.

– Но Луны нет, – Дарина неуверенно улыбнулась.

Я кивнул.

– Луны нет. Но мы на Луне.

* * *

Корабль Инсека немаленький. Та часть, что находится на поверхности Селены, выглядит полусферой стометрового диаметра. Может, это и есть весь корабль, а может, его половина или часть, в любом случае размеры солидные.

Но внутри свободного места не так уж и много. Мы с Дариной обошли его меньше чем за час – и это была самая унылая и безопасная прогулка на свете.

Изогнутые коридоры, иногда расширяющиеся, а иногда сужающиеся. Отсеки, большие и малые, почти все совершенно пустые. В некоторых, однако, имелись выступы на стенах и потолке, странные бугры на полу – словно металл ожил и обтянул мебель и пульта.

Скорее всего, именно так и было.

Металл. Ничего, кроме серо-голубого металла. Свет исходил из него самого, я приложил ладони к стене, прижал лицо

и увидел крошечные, ровно светящиеся точки. Воздух, если он вообще обновлялся, тоже шел из стен.

На ходу я набрасывал наш маршрут на планшете, который взял среди снаряжения. Линии, петли, круги – все выглядело хаотично, но теперь мы возвращались к центру лабиринта, откуда и начали путь.

– Мы словно внутри живого существа, – сказала Дарина. Пистолет она из рук так и не выпускала, но уже расслабилась. – Ходим по венам.

– Скорей уж по кишкам, – возразил я. – Тут никого, корабль покинут. Нет Инсека, нет дутиков...

– Нет американцев, китайцев, бельгийцев...

– Американцев мы видели.

Дарина покачала головой.

– Это не факт. У одного существа был при себе жетон американского солдата. С чего мы решили, что он и есть бывший солдат? Может быть, жетон – трофей?

Я подумал и кивнул. Да, может быть, и трофей. Может быть, у существа все-таки был рот, и оно сожрало храброго американского морпеха вместе с формой и жетоном?

– Но мы не на Селене, мы на Луне, – сказал я. – Вот это точно.

– Нет, – покачала головой Дарина. – Инсеки умеют управлять гравитацией, это не очень-то сложно.

– Или мы в прошлом.

– А вот это им не по зубам, – уверенно сказала Дарина.

Мы вернулись в центральную комнату и первым делом взяли по бутылке воды. Экран перехода все так же светился, дорога домой была открыта.

– Все в порядке? – донеслось из камеры. – Ребята, сдвиньтесь, я вас не вижу!

– Обошли весь корабль, – встав перед камерой, доложил я. – Все пусто. Никого и ничего нет, голые стены.

– Лихачева нет? Десантников нет? Китайцев? – принялся перечислять генерал.

Я молчал, глотая теплую солоноватую воду. Потом покачал головой.

– Чисто. А вы запись просмотрели?

– Ничего полезного, – признался Леонид Владимирович. – Камера опрокидывается, через мгновение из экрана лезут твари.

– Дутики.

Даже хиленький динамик донес до меня вздох.

– Хорошо, пусть дутики. Что происходит, Максим?

– Тут еще одна странность, – признался я. – Сила тяжести слишком высока для Селены. Скорей уж, как на Луне.

– Луны нет. – Генерал задумался. Я услышал, как он кому-то что-то приказывает. – Сейчас, дайте мне пару минут. Тут уже целый штаб...

Я подумал, что, если бы Лунное кольцо чудесным образом собралось обратно в Луну, на Земле бы это как минимум почувствовали. И уж точно сообщили бы генералу. Спросил:

– Что нам дальше делать?

– Возвращаться, наверное, – сказал генерал. – Полчаса еще подождите, готовится вторая группа. Она зайдет, вы вернетесь.

Усевшись по-турецки перед камерой, я кивнул. На душе было очень беспокойно, но ведь мы сделали все, что могли.

Так?

Дарина села рядом, искоса глянула на меня. Сказала задумчиво:

– Мы что-то упускаем, но я не могу понять, что именно.

– Вот то же самое ощущение, – признался я, глядя в искрящийся экран. – Отряд биороботов-охранников я понять могу. Десантников, превратившихся в пухлых белых монстров, – тоже. От Инсека и не такой гадости можно ждать! Но корабль пустой, он спит!

Из видеокamеры донеслось:

– Луны нет, Максим!

– Что? – не понял я.

– Позвонили в Хабаровск, там посмотрели в небо – Луны нет, Кольцо на месте, Селена на месте. Может, ты ошибся насчет силы тяжести?

Я даже не стал спорить.

– Может, только я не ошибся.

– Луны нет, Лихачева нет, десантников нет... – принялась перечислять Дарина.

– Как Милана любит говорить: смотри на то, чего нет, –

согласился я. И невольно нахмурился. Мысль, пришедшая мне в голову, была слишком уж неприятная. – Дарина, послушай... Высший дал пинка Инсеку и Прежним. Те не в восторге, верно? Могут они объединиться против Высшего?

Дарина поколебалась. Кивнула.

– Наверное. Только что они способны сделать?

– Продавец однажды сказал мне, что даже Высшего можно уничтожить... – Я оттолкнулся от пола ладонями, встал. – Наверное, это как с Прежними... я убил Мод, уничтожив ее составляющие части. И Высший тоже объединение личностей! Если убивать его элементы...

– К примеру, нас? – резко спросила Дарина.

– Да.

– Наверное, Высший не позволит.

Я пожал плечами.

– Гибель одной клетки организму безразлична. Я думаю, это действительно ловушка, но только не для вояк, которые сюда пришли.

Дарина тоже поднялась.

– Для нас?

– Или для Высшего. Продавец ведь сказал, что опасность грозит всему миру. Вряд ли он имел в виду Вселенную, так? Скорей уж тот мир, который сейчас возникает, который должна создать Милана.

Я прошелся по помещению, поглядывая на снаряжение. Все есть, только людей нет.

– Максим, не уходи из-под камеры! – потребовал Леонид Владимирович. Я услышал, что он опять принялся с кем-то приглушенно спорить.

– Смотри, тут нет никого, – сказал я Дарине. – Мы решили, что их убили, превратили в монстров, что тут включилась какая-то защита, но если все не так просто? Экранные переходы – технология Инсеков! Если он запрограммировал какую-то специальную ловушку для нас? Тогда понятно, зачем утащили Лихачева, он приманка! И мы послушно за ним побежали!

– Но тут нет опасности! – Дарина развела руками.

– Именно! – кивнул я. – То, чего нет. Пока нет...

Я огляделся. Ровный свет, чистый воздух. Гора снаряжения. Можно попить, поесть, поспать. Никаких монстров.

Я ощутил себя в мышеловке, куда мы так отважно забрались. Мышеловка открыта, она просторная, в ней много сыра.

Но почему же она не захлопывается?

– Максим! – донеслось из камеры. Голос у генерала был озабоченный. – Прав ты или нет, но возвращайтесь! Команда заходит, а вы сразу назад, хорошо?

Я смотрел на экран. Шагни – и ты на Земле, в Гнезде на Олимпийском.

Или экран выключится? Половина окажется на Земле, а половина останется в корабле Инсека?

Но нас можно было рассечь на кусочки и при переходе

сюда!

Блинский блин, я чего-то все-таки не догоняю!

Я точно близок к истине, но какую-то деталь не пойму!

– Максим! – выкрикнул генерал.

– Что? – Я шагнул обратно к камере.

– Команда вошла?

Я уставился на экран перехода. Круг в стене продолжал мерцать.

– Нет!

– Они вошли. – Голос Леонида Владимировича охрип. – Семь человек. Я их не вижу!

– И мы не видим, – подтвердил я. У меня вспотели ладони. – Их куда-то не туда отправило. Нам возвращаться?

– Подожди. – Генерал явно размышлял. – Ладно. Тут главный эксперт по всей этой мути, уступаю место.

Мы с Дариной переглянулись. Я-то думал, что главный эксперт – это я...

– Макс, Даринка!

Я вздрогнул, услышав ее голос.

Еще и на Селене... или все же на Луне?

Я просто потерял дар речи.

А вот Дарина радостно воскликнула:

– Милана! Ты тут?

– Я в Гнезде! – отозвалась она. – Меня вызвали, как только этот кошмар начался... с работы выдернули!

Ну да. Будущий Высший в лице Миланы учился и работал

в университете.

Конечно, она могла бы попросить у властей пентхаус в Москва-Сити, денежное довольствие и лимузин с охраной и водителем. Но Милана не такая.

– Макс, ты меня слышишь? – позвала Милана. – Или язык проглотил?

– Я слышу... – тихо сказал я. Откашлялся. – Неожиданно очень. Милана, ты сейчас Милана? Ты не Высший?

Она рассмеялась.

– Это я! Ребята, не волнуйтесь. Сейчас мы вас вытащим.

– Ты понимаешь, что происходит? – спросил я.

– Пока не совсем. Видимо, вас закинуло в другую зону на корабле. Подлянка от Инсека, зря Высший его отпустил.

У меня чуть-чуть отлегло от сердца. Милана была очень спокойная и, судя по голосу, в боевом настроении.

– А позвать его ты можешь? Или что-нибудь сделать... такое? – Я развел в воздухе руками, вкладывая в этот жест все чудеса на свете, от превращения плутония в свинец и до подзатыльников, от которых Прежние и Инсеки улетают на другой конец Галактики.

– Нет, не могу, – посерьезнела Милана. – Но если мне будет грозить опасность, Высший проявится. Он это мне обещал.

– И ты веришь? – уточнил я.

– Себе? Конечно!

Дарина рассмеялась.

– Милана, я так рада тебя слышать! Куда ты вообще по-девалась, а?

В короткой паузе я услышал все, что не хотел и не мог рассказать Дарине.

То, что Милана в своей человеческой сущности по-прежнему любит меня.

Что однажды мы сорвались с катушек, и я изменил Дарине. В этом самом корабле, между прочим...

– Очень много было дел, Даринка... – вздохнула Милана. – Но я исправлюсь. Сейчас я зайду за вами и вытащу оттуда. И Лихачева найдем, обещаю!

– Не надо! – воскликнул я. – Не рискуй! Если переход отключится на полпути...

– То появится Высший, – сказала Милана очень серьезно. – И сделает кому-то такое а-та-та, что он жвалы в задницу засунет. Ясно?

Я понял, что эта реплика адресована не нам, а Инсеку – на тот случай, если он каким-то образом нас слышит.

– Уверена? – спросил я.

– Максим, – ответила Милана спокойно. – Ничто в этой Вселенной не может повредить мне. Ничто!

Я смотрел то на блестящую линзу камеры, то на искрящийся экран перехода.

Ничто не может повредить – это здорово.

Но...

– Милана, стой! – закричал я, бросаясь к экрану, из ко-

торого, будто из болотистой воды, проступало ее лицо и руки. – Стой!

Я думал о том, что надо втолкнуть ее обратно. Что, пока хотя бы часть Миланы остается с той стороны экрана, – еще можно все исправить!

Меня подвела гравитация. Пусть мы не на Селене – теперь я был в этом уверен, – но даже на Луне сила тяжести слишком мала. Мой рывок пронес меня мимо экрана, а Милана, увидев это, сделала шаг вперед, попытавшись меня подхватить.

Экран за ее спиной погас.

Я заскользил по гладкому полу, затормозил, неуклюже поднялся. Посмотрел на Милану, основу Высшего, который должен принести в Галактику новый смысл... новый мир – без войн и крови.

– Что мы наделали... – прошептал я. – Что мы наделали...

Милана была в джинсах и рубашке, она коротко подстриглась (я вдруг понял, что это стрижка «под жницу», она неосознанно копировала Дарину). Она казалась напряженной, но улыбалась, явно пытаясь нас подбодрить.

– Максим, ничто в этой Вселенной... – повторила она.

– Милана... – Я встал. Посмотрел на Дарину – и увидел ужас в ее глазах.

Она тоже поняла.

– Мы уже не в той Вселенной.

Улыбка на лице Миланы медленно исчезала.

– Это ловушка, – сказал я. – Это мышеловка! Весь корабль был наживкой, и люди в него полезли. Их превратили в монстров. И они утащили Лихачева. Как наживку. Мы пошли за ним, Инсек знал, что мы пойдем...

– И сами стали наживкой... – прошептала Дарина. – Для тебя...

Она неловко подошла к Милане, обняла ее. И зарыдала.

– Подождите, это не обязательно так! – обнимая ее, сказала Милана. – Не обязательно! Нет, нет!

Поверх головы рыдающей Дарины она посмотрела на меня.

– Даринка, да не плачь ты...

– Прости, слезы сами льются... – пробормотала Дарина.

– Ребята, это невозможно! – Милана покачала головой. –

Ни у Инсеков, ни у Прежних нет такой силы!

Краем глаза я уловил какое-то движение. Повернул голову.

И увидел Инсека.

Он сидел у входа в один из туннелей – огромный, маслянисто блестящий – и внимательно смотрел на нас. Потом заговорил своим мягким женским голосом, который мне даже приснился однажды в кошмаре.

– У нас нет таких сил. Но ты же знаешь, что в Галактике не один Высший.

Глава пятая

Инсеки похожи, но они разные. Я не так много их видел: «нашего», сидевшего на Селене, мельком – одного в лагере на Саельме, ну и того, на Трисгарде, который очень хотел, но так и не решился отобрать у меня прозрачный кристалл.

В общем, этот, появившийся в корабле, был «наш».

Я вышел вперед, всматриваясь в него. Конечно, даже после второго Призыва я был ему не ровня, что уж говорить о моей нынешней форме.

Но мне показалось, что Инсек занервничал.

– Несмотря на конфликт при расставании, хочу напомнить, что ты мне симпатичен.

– Ты же назвал нас обезьянами, – сказал я.

– Наглými обезьянами, – поправил Инсек. – Наглость свойственна млекопитающим. Ничего оскорбительного, это научный факт.

Я смотрел на него, не отводя глаз. Я хотел дать Милане время собраться с мыслями.

– На всякий случай уточню, что настоящего меня здесь нет, – сказал Инсек.

Он взмахнул передней лапой, и та легко прошла сквозь пол.

Я нагнулся, взял из ящика банку тушенки и швырнул в Инсека. Та пролетела сквозь глянцевую морду и укатилась в

туннель.

– Меня обижают сомнения в моих словах. – Инсек сделал несколько шагов вперед. В движении он больше напоминал ящерицу, чем муравья. – Я лишь слепок личности. Мне очень неприятно это осознавать и признавать, но я малая часть того, кто был в этом корабле. Говоря понятным вам языком, я упрощенная копия в сознании корабля, голографическая проекция.

– И зачем ты здесь? – спросил я.

– Сообщить вам о вашей судьбе.

Милана мягко взяла меня за руку, отстранила, подошла к Инсеку. Я уже видел такое, только в тот раз в ней был Высший, а Инсек боялся пошевелиться от страха.

– Ты посмел нарушить приказ Высшего? – спросила она.

– Высшего тут нет, – сказал Инсек. – Максим все понял правильно. Вы в иной реальности.

– Но Высший остался в нашем мире, – сказала Милана. – Поверь, он будет крайне недоволен. Ваша цивилизация будет наказана, а нас он вернет.

– Нет-нет, – Инсек издал странный булькающий звук. Может быть, смех? – В этом вся прелесть ситуации! Если мы удаляем ключевой элемент, то Высший не возникнет. Будет кто-то другой вместо него, но ты ему безразлична. Понимаешь?

– Вы напали на Высшего, – с нажимом повторила Милана. – Это непростительно.

Инсек заелозил на месте. Хотя он и был голограммой, не контактирующей с материальными предметами, но вел себя словно живое существо.

– Мы не проявляли агрессии, – сказал Инсек.

– Не проявляли? – возмутился я.

– Защита имущества не возбраняется, – ответил Инсек. – Никто не требовал от вас появляться на корабле. Никто не заставлял важные элементы Высшего пройти через экран. Никто не заставлял ключевой элемент покинуть свою Вселенную и оказаться в альтернативной. Ни одно наше действие не нарушает соглашений!

– Тогда открой проход обратно, – велела Милана.

– Я не могу, – Инсек развел лапами. – Я не знаю, как это сделать. Я не обладаю нужными технологиями и энергией. Само время моего существования окончится через несколько минут, что крайне досадно.

Вот это было совсем неожиданно. Инсек создал свою копию и отправил вместе с нами умирать! Зачем?

Самое поразительное, что ответ был только один.

Он хотел позлорадствовать. Он не хотел умирать вместе с нами, но отправил своего цифрового «клона», чтобы тот похвастался расставленной ловушкой.

Как неожиданно мелко!

– Мы донесли свои тревоги и обиды до одного из Высших, который согласился оказать нам помощь, – продолжал Инсек. – Даже на их уровне развития есть конфликты, удиви-

тельно, не правда ли?

– Потому что вы создали такой мир, – сказала Милана. – Мир, в котором все ненавидят друг друга и пользуются чужой слабостью.

– Это неизбежность эволюции, – ответил Инсек. – Вы здесь, а Высшего больше нет.

Инсек опять засучил лапами, приближаясь к Милане. Его голова была на уровне ее лица.

– Уверены? – Милана не сдавалась. – Вы рискнули убить Высшего, а если он уцелеет?

– Но мы никого не убили, – сказал он. – Высший просто не появился! А вы живы. И вы будете жить любое доступное вам время. В корабле есть воздух, температура может показаться вам высокой, но она в границах переносимого людьми. В следующем отсеке по этому коридору вы найдете два соска, выступающих из стены на высоте вашего роста. Один сосок подает воду, обогащенную витаминами и минеральными солями, другой – питательную кашу, удовлетворяющую все потребности организма. Там же находится сток в полу для удаления нечистот. Если вам потребуется медицинская помощь, достаточно лечь на пол и начать громко кричать. Рано или поздно корабль выпустит сенсоры, обследует вас и проведет лечение.

Он снова забулькал. Да, это несомненно был смех.

– К сожалению, мы не озаботились развлечениями, – сообщил он. – Но мы полагаемся на вашу находчивость. Мо-

жете предаваться любимым занятиям обезьян – спариванию, дракам и почесыванию друг друга. Не беспокойтесь ни о чем!

Инсек посмотрел на меня и добавил:

– Все, что происходит на Луне, остается на Луне.

Вот же скотина!

– Вы превратили корабль в тюрьму, – сказала Милана.

– О, мы предпочитаем называть это карантинном, – ответил Инсек. – Жница!

Дарина ничего не сказала, только молча смотрела на него.

– Я не питал иллюзий насчет людей, – Инсек повернул к ней голову. – Но вы, Измененные, меня очень огорчили. Мы спасли вас от смерти, вам были дарованы быстрое взросление, здоровье, знания, полная путешествий и приключений долгая жизнь... А вы так легко и бесчестно нас предали! Ты не хочешь покаяться?

– Если мы сможем вернуться назад, – тихо сказала Дарина, – я найду тебя. Настоящего тебя. Найду и убью.

– Ожидал такой угрозы, – Инсек кивнул. – Но вы не вернетесь.

– Посмотрим, – пробормотал я, просто чтобы оставить за собой последнее слово.

– Я в любом случае не увижу, – сказал Инсек. – Мое существование теоретически может быть опасно – разумное существо способно ошибиться, передумать, испытать жалость или иные чувства. Вдруг я решу вас выпустить? Или убить?

Так что я заканчиваю свое существование с твердой уверенностью в нашей победе и в сладостном ощущении свершившегося возмездия.

– Ты заманал, – Милана сделала шаг вперед. – Давай, выключайся! Стирай свои мозги, чучело.

– Мне нравятся ваша растерянность и беспомощность... – начал Инсек.

– Да тебе просто страшно, – сказал я. – Тебе велено умереть, и ты умрешь. Вот и треплешься, оттягиваешь миг. Но нравится – не нравится, выключайся, красавица!

Инсек посмотрел на меня. Придумывать не стану, никаких эмоций по его морде я прочесть не мог, тут поглощенный смысл не работал. Но мне хотелось верить, что он посмотрел с ненавистью.

А потом он исчез.

– Стер себя или соврал? – спросила Милана.

Я пожал плечами. Какая, в сущности, разница...

Не дождавшись ответа, Милана вздохнула. Подошла к ящику, взяла бутылку с водой. Отпила немного, сказала:

– Меня терзают сомнения... на что будут похожи обещанные «соски» и каков будет вкус воды.

– Вкус будет максимально мерзким, – согласился я.

Милана неожиданно улыбнулась.

– Слушайте... и все-таки как я рада вас видеть!

Как ни странно, но я ощущал то же самое.

Дарина подошла к нам, обняла – и мы несколько мгнове-

ний постояли втроем, уткнувшись головами друг в друга. У меня мелькнула шальная мысль, что если Инсек все-таки не стер себя, а наблюдает за нами, то он может заподозрить нас в каком-нибудь телепатическом общении.

– Милана, попробуй позвать Высшего? – сказала Дарина негромко.

– Я все время зову.

– Не отвечает?

– Да, но это ничего не значит. Он никогда не отвечал.

Наверное, она была права.

– Будем исходить из того, что Инсека с нами больше нет, – решил я. – Есть только корабль.

– Он тоже практически разумен, – сказала Дарина. – Инсеки не позволяют машинам осознавать себя, но с нашей точки зрения корабль не глупее человека.

Я подумал о том, что нам придется общаться с кораблем. Если, конечно, мы не собираемся навсегда остаться на Луне.

Интересно, можно ли переспорить машину?

– Пойду, проверю... – сказал я, не уточняя, что именно.

И двинулся по коридору, возле которого появлялся Инсек.

Да, метров через десять обнаружилось помещение, которого раньше не было. Маленький отсек неправильной формы с низким потолком.

В одном углу была небольшая решетка в полу – канализационный слив.

Недалеко от него, метрах в полутора от пола, из стены выступали две выпуклости, напоминающие женские груди. Каждая заканчивалась соском.

Чувствуя себя извращенцем, я нагнулся и прижался губами к металлу. Тот оказался неожиданно мягким и теплым, что добавляло неприятных ассоциаций.

Из одного «соска» потекла тонкой струйкой теплая, чуть солоноватая вода. Из другого – что-то вроде густого молока или жиденькой каши.

Я молоко люблю и кашу ем с удовольствием любую, кроме гречневой. Но это кашемолоко тоже оказалось невкусным.

Инсек постарался.

Вытерев губы, я отошел от стены.

Ладно. Все мы в младенчестве пили мамино молоко. А это вообще не грудь, это металл. Инсек мог придать поилкам и более обидную форму.

Но все-таки поразительно, Инсек ведь разумное существо, превосходящее людей... ну, на порядок, наверное? Знающее тайны полетов через Галактику, умеющее видоизменять живые организмы, строить почти разумные корабли из наноботов. Откуда такая мелочная мстительность и тупой юмор?

Я вспомнил, как отец давным-давно сказал про кого-то: «Умная голова, жаль, дураку досталась». Меня это удивило, я спросил, как это может быть. И отец прочитал мне целую лекцию – про разум, ум, интеллект, мудрость. Выходило, что

можно быть гениальным идиотом или мудрым простачком, хоть это и странно.

Видимо, у Инсеков при всем их развитии получилось что-то вроде этого – умные дураки.

А может быть, я зря приписываю им тупые шуточки? Может быть, кормушка (как еще ее назвать) в виде сосков – совершенно нормально с их точки зрения. Привычно и удобно для млекопитающих. Как они своих детей кормят?

Ответ всплыл в памяти. Про Инсеков на Саельме говорили немного, но все-таки базовая информация была. Инсеки живородящие, проходят стадию личинок, кормят их матери, отрывивая полупереваренную пищу.

Да, еще они гермафродиты на первом этапе развития, а потом уже осознанно выбирают свой пол. Впрочем, могут и поменять.

Я сплюнул в сток и пошел обратно.

Девчонки занимались обустройством лагеря. Дарина пересчитывала запасы продуктов, Милана раскладывала одеяла. Два спальных места рядом, одно чуть в стороне...

– Может, не стоит располагаться надолго? – спросил я.

Милана покосилась на меня. Сказала:

– А ты нашел выход?

Я покачал головой. Но в этих приготовлениях, в пересчете сухих пайков и банок с консервами была какая-то унылая безнадега.

– Пока нет, – сказал я. – Зато обещанную поилку и кор-

мушку нашел.

Лег на пол. Раскинул руки.

И заорал во все горло:

– А!!! Мне плохо!!! А!!!

Дарина и Милана молча смотрели на меня.

– У меня приступ клаустрофобии! – продолжал я. – Болезнь замкнутых пространств! Это мучение! Я в ужасе, в ужасе, в ужасе! А!!!

– Думаю, закончится инъекцией успокоительного, – предположила Милана.

– Лекарства дадут лишь временный эффект! – выкрикнул я. – А!!! Страх замкнутых пространств! Это болезнь, это болезнь! Это психическое расстройство, оно указано в справочниках!

– Пойду, проверю поилку, – сказала Милана.

И ушла в туннель.

– А!!! – продолжал я жаловаться в пространство. – Помощь, помощь, мне нужна медицинская помощь! Клаустрофобия!

Не знаю, чего конкретно я ждал. Ну не свободы же, конечно. Скорее мне хотелось понять, как вообще корабль отреагирует на требование лечения. Может, удастся с ним поговорить? Понять, насколько он разумен и насколько расположен общаться?

Но корабль не ответил.

Вместо этого купол потолка посветлел и растаял.

– Ох ты ж... – прошептал я.

Над головой были звезды. Целое море звезд, а почти на краю прозрачного купола – Земля. Бело-голубая, со съеденным тенью краем, с сероватыми завитками циклонов.

Дарина подошла ко мне, легла рядом. Помолчала.

– Как красиво. Хорошо, что Земля видна.

– Она всегда видна, – пояснил я. – Луна же одной стороной повернута к Земле.

– То есть она не вращается вокруг оси? Не смейся, я правда не знаю!

Я улыбнулся и на ощупь нашел ее руку.

– Вращается. Синхронно с вращением вокруг Земли. И я не смеюсь, люди часто путают.

Вернулась Милана со словами:

– Инсек – больной ублюдок...

Остановилась рядом с нами, посмотрела вверх, с уважением сказала:

– Ого... Это ты добился?

– Выкричал, – ответил я с гордостью. – Нам, клаустрофобам, положено.

Милана легла с другой стороны от меня. Поколебалась, потом взяла меня за руку. Спросила:

– Я уже и не помню... так и было?

– Ага, – сказал я. – Только еще было Лунное кольцо.

– Точно. – Милана провела рукой над головой. – Красивое... Но его нет.

– И это значит, что мы в параллельной реальности, – заключил я. – Превьяня Мод смогла перенести туда мое сознание. Но у Высших возможностей больше.

– Или мы в прошлом, – произнесла Дарина.

Я подумал, что это все-таки сомнительно. Как я понимал, даже Высшие могли путешествовать лишь по «своей» линии времени, да и возможности вмешательства у них были очень ограниченные. Однако спорить не стал. Мы лежали и смотрели в звездное небо, но взгляд невольно цеплялся за голубой шар.

Прошлое, другая реальность... да что угодно! Динозавры, крестоносцы, мир, где Европа вымерла от чумы и ее открыли индейцы, мир, где не открыли электричество, мир, где люди живут в лесу и молятся колесу... Что угодно! Но оказаться бы там, а не в железной коробке, в которой Инсек заточил нас навечно.

– Корабль тебе ответил? – спросила Дарина. – Хоть что-нибудь?

– Нет, – прошептал я. – Ничего.

Я вдруг понял, что с кораблем не договориться. Никак. Он просто не станет отвечать. У него есть заданные рамки – поддерживать нашу жизнь, лечить по необходимости. Но нам не уговорить его выпустить нас. Не сломать компьютер, не подобрать к нему коды и пароли – это не голливудское кино. Не пробить стены, а если и пробьем – то что нам делать в безвоздушном лунном аду?

– Что мы имеем? – сказала вслух Милана. – У меня ничего. Есть знания по биологии, но вряд ли они помогут. Вышего тут нет.

– Я немного знаю технологии Инсеков, – сообщила Дарина. – Но только самые прикладные. Оружие, отчасти экранные технологии... Наверняка все доступное мне на корабле заблокировано.

– Но ты ведь попробуешь? – спросил я.

– Попробую, – пообещала она без энтузиазма. – Максим, а ты?

– Я не в форме, – признал я. – Высший почти все убрал. Силовые поля больше создавать не могу, железяки руками пробивать тоже. Считайте, что я как жница по потенциалу. Только поглупее.

– Гнезда считают иначе, – возразила Дарина. – Они тебя слушаются.

– Разве что. Но тут Гнезда нет.

– Значит, нужна помощь извне, – сказала Милана.

Я поднял руку, нацелил на Землю. Воскликнул:

– Мэйдэй, мэйдэй, мэйдэй!¹ Люди на Луне! Помогите!

– Ну а почему бы нет? – Милана села, посмотрела на Дарину. – Тут есть кое-какая техника от десантников. Если соорудить простой, но мощный передатчик...

К моему удивлению, Дарина не рассмеялась. Подумала и

¹ Mayday («мэйдэй») – международный сигнал бедствия в радиотелефонной связи. – *Здесь и далее примечания автора.*

сказала:

– Я могу попробовать.

– И посылаем сигнал на Землю, – продолжала Милана с энтузиазмом. – Тут нет Лунного кольца, значит, Инсеков победили. У людей есть космонавтика, лунные программы... Когда они поймут, что сигнал идет с Луны, что тут чужой космический корабль, – сразу начнут готовить экспедицию!

Дарина встала, мимолетно коснувшись моей груди – робким, ободряющим движением.

Я открыл было рот, чтобы перечислить все слабые места этого плана: с чего она взяла, что на этой Земле есть развитые технологии; что в бою Инсеков и Прежних человечество не было уничтожено подчистую; что прозрачный купол пропустит радиоволны (да и купол ли это – может быть, экран, а корабль валяется на обратной стороне Луны); с какой стати корабль, если он почти разумен, позволит нам звать о помощи; какие земные технологии позволят пробиться внутрь гигантского корабля из живого металла?

Но я посмотрел на Милану – и смысл, украденный у тэни, прочитал ее.

Она не верила. Конечно же, не верила ни на секунду, что нам удастся спаять рацию и вызвать помощь. Все то, что пришло мне в голову, Милана тоже понимала. Она еще и приняла во внимание ту реакцию великих держав, которая может последовать за сигналами с Луны, – панику, недоверие, соперничество, жадность к чужим технологиям и нежелание

ими делиться. Да на Земле легко может начаться ядерная война, когда власти поймут, что за приз лежит так близко!

Все это Милана оценила.

И предложила то, что не имело никаких шансов на реализацию. Чтобы мы не паниковали. Чтобы Дарина почувствовала себя нужной и занялась делом. Чтобы хотя бы первые дни и недели нашего заточения мы на что-то надеялись.

А я?

Размышляю о коварстве Инсека и его идиотском чувстве юмора. Любуюсь звездами и Землей, живущей под властью Прежних.

Рядом со мной две перепуганные девчонки, пытающиеся успокоить меня и друг друга, а я ничего не делаю, чтобы их спасти. Хорош Защитник!

Но что я могу? Дарина хоть передатчик может попытаться собрать, а я?

Я снова посмотрел на Землю.

А мне ведь не нужен передатчик!

Я же умею говорить с Гнездами.

Да, на расстоянии это не получается, но мне давно казалось, что дело тут не в самом расстоянии, важнее, чтобы Гнездо, Школа или Форт были в прямой видимости.

Вон она, Земля. И на ней...

Стоп, на ней нет Гнезд. Раз нет Лунного кольца, значит, Инсеки проиграли.

Но там есть Прежние!

Есть вся их инфраструктура, есть то, что заменяло им Гнезда, какие-то тайные убежища, где они готовили своих солдат, чистильщиков и уничтожителей, танцоров и сирен. Что-то подобное Гнездам точно есть, я помню тот миг, когда перед превращением Миланы в Высшего я говорил со всеми Измененными. Их было много, слишком много для восьми лет оккупации. Скорее всего, Инсеки украли у Прежних технологию изменения людей и переиначили на свой лад.

Вот она, Земля.

«Услышьте меня, – подумал я, неотрывно глядя на бело-голубой шарик, летящий во тьме. – Мэйдэй, SOS, спасите наши души! Это Луна, скорее всего, рядом с местом посадки «Апполона-11»! Корабль Инсеков! На Луне боевой корабль Инсеков без экипажа! Вероятно, поврежден, скорее всего, скрыт маскировочным полем. Мы в плену. Помогите, это очень важно!»

Вот на что я надеюсь, глядя на Землю и мысленно взывая о помощи непонятно к кому? С тем же успехом можно молиться.

Потолок вдруг потемнел и стал непрозрачным.

Я моргнул. Ничего не изменилось.

– Закрыли окно? – спросила Милана.

Они с Дариной склонились над оставленной десантниками техникой.

– Закрыли, – задумчиво ответил я, вставая.

Это случайно совпало? Или корабль почувствовал мой

призыв и решил его прервать?

– Отвертка нужна, – сказала Дарина. – Максим, у тебя нет отвертки?

– Надо поискать нож, – предложил я.

Корабль тряхнуло.

Мы замерли, глядя друг на друга.

– Лунотрясение, – предположила Милана.

Корабль снова вздрогнул.

По стенам прошла волна, они изгибались, будто были сделаны не из металла, а из гибкого пластика. В нескольких местах вспыхнули и погасли экраны.

– Что происходит? – Дарина быстро достала из-за пояса пистолет.

Я бросился к ним.

Нет, я все-таки надеялся на помощь. Но не ожидал, что она придет так быстро.

Если, конечно, это помощь, а не бомбардировка корабля. Прежние, при их отношении к Инсекам, могли вначале уничтожить корабль, а уже потом разбираться, что происходит.

– Я позвал на помощь! – крикнул я. – Мысленно! Смотрел на Землю и позвал, как Гнездо!

– Там есть Гнезда? – нахмурилась Дарина. И побледнела.

– Вряд ли. – Я обнял ее. – Но кто-то, похоже, услышал...

Корабль затрясся мелкой дрожью, будто в него вонзили исполинскую дисковую пилу и резали на куски. Потом слышались далекие хлопки, от которых пол вздрагивал и

больно бил в ноги. Ответный огонь?

«Это был подлый и безответственный поступок».

Голос, раздавшийся в глубине сознания, напоминал голос Инсека, но был начисто лишен эмоций.

«Вы неразумно прервали свою жизнь...»

Наверное, корабль собирался еще что-то сказать.

Но в этот миг рядом с нами вспыхнуло белое пламя. В пространстве возникли и развернулись ослепительным прямоугольником застывшие молнии – как тогда, над океаном на Трисгарде, только в миниатюре. Серый свет затопил обозначенный молниями периметр, и из него выступила человеческая фигура. Полупрозрачные щиты размером с ладонь скользили по ней, покрывая неуклюжей силовой броней.

Пришелец развернулся, оглядываясь. Потом уставился на меня. Под мутными, непрерывно двигающимися щитками смутно угадывалось лицо.

Потом щитки посветлели и расступились, стекая с головы.

Прежний оторопело смотрел на нас. Модные очки в тонкой оправе под всей этой футуристической броней выглядели удивительно нелепо.

– Иван, – сказал я. – Привет.

Дарина в моих объятиях напряглась, Милана отступила на шаг и прижалась к плечу.

Вот что тут делать? Смеяться или плакать? Радоваться или паниковать?

Мы расстались с Прежним на том, что старались друг дру-

га уничтожить.

– Ты кто вообще такой? – спросил Иван. – Как ты нас по- звал? Какого... какого хрена происходит?

Я подумал, что озадачить Прежнего – почти так же при- ятно, как и убить.

– Надо отсюда выбираться, – сказал я.

Глава шестая

В чем нельзя обвинить Прежних – так это в медлительности.

Мгновение Иван буравил меня взглядом. На его лице мелькнуло недоумение, он точно так же быстро глянул на Дарину, нахмурился, потом посмотрел на Милану – и вздрогнул, отводя глаза.

Смысл, полученный у тэни, развернулся в моем сознании будто сам по себе. Нет, не в полную силу, он лучше всего работал на людях, а Прежний куда больше, чем человек.

Но все-таки я многое понял.

Иван пытался нас прочесть, в нем было что-то похожее на мой смысл понимания людей, их поступков и движущих мотивов. Попытался – и получил отпор. От всех троих, причем от всех по-разному.

Меня защищала сила Призыва, закрывала мой разум глухой непробиваемой стеной. Дарину – ее Изменение, Иван мог ее читать, но ничего не понимал, будто вместо кириллицы наткнулся на россыпь латиницы, иероглифов, пиктограмм и рун. А разум Миланы его просто отбросил – будто девушка влепила пощечину наглому ухажеру, ущипнувшему ее на танцах.

– Кто ж вы такие... – повторил Иван, посмотрел на разбросанное снаряжение. – Груз взять не смогу!

– Не надо, – ответил я. – Уходим.

Портал, через который прошел Иван, продолжал работать. Белые молнии полыхали, я почувствовал запах озона и невольно вспомнил Наську с ее вопросом: «Грозой пахло?» Проем портала сверкал, будто полимерная пленка, подсвеченная прожектором, за ним угадывалось большое помещение.

– Сто четыре секунды для смены вектора, – сказал Иван.

Прошел к снаряжению, стал с любопытством его разглядывать, с особым интересом изучая оружие и видеокамеру. Энергетическая броня с шуршанием скользила по его телу, пластины непрерывно смещались, топорщились, наползали друг на друга.

Странно!

Прежние никогда не использовали такой технологической защиты.

– Мы можем считать друг друга союзниками? – спросил он, не оборачиваясь.

– Временными, – ответил я.

Иван кивнул.

Корабль Инсека продолжал содрогаться.

А потом стены в нескольких местах разошлись. И сквозь проемы вышли белые дутики.

Иван только что стоял, вертя в руках плазменный пистолет Инсеков. А через миг уже был возле ближайшего дутика.

Силовая броня на нем сомкнулась, пластины потемне-

ли и задвигались быстрее. Иван превратился в кружащийся вихрь, напоминающий панцера и танцора одновременно. Пластины сформировали клинки на руках, отсекали дутику руки и голову. Серией быстрых движений он раскромсал дутика и отступил к нам, выжидая. Несколько ответных ударов, которые он получил, не смогли пробить броню.

Куски дутика слабо шевелились, но срastись не получалось. Пол покрывала белая слизь и редкие кровавые пятна.

Остальные дутики – их осталось шестеро, – замерли, чего-то ожидая.

Свет моргнул.

Пластины брони на Иване исчезли.

Я непроизвольно фыркнул, едва удержавшись от смеха. Иван оказался почти голый. Он был в пестрых купальных трусах, еще влажных, со спины у него осыпались песчинки.

Прямо с пляжа к нам явился?

– Как я это не люблю, – сказал Иван. На миг обернулся: – Не мешайте.

И легкими широкими шагами двинулся к дутикам.

Я понял, что сейчас будет. Прежний вошел в защитное рассогласование, сейчас его тело большей частью находилось за пределами нашего мира.

Дутики дружно двинулись на Ивана, смешно раскачиваясь на ходу.

Иван ускорился.

Я не заметил, когда и где он взял клинки. С виду – обыч-

ные длинные ножи, может быть, даже поварские, никаких понтов. В трусах уж точно такие не спрячешь.

Дутики разлетались в разные стороны от его ударов, на их телах появлялись и зарастали глубокие резаные раны.

Но Иван тоже несколько раз отшатывался, а один раз болезненно вскрикнул. Рассогласование не было абсолютной защитой.

Первой начала стрелять Дарина. Плазменные заряды из пистолета Инсеков произвели не большой эффект, чем когда стрелял отставной генерал, – раны мгновенно затягивались. Но все-таки она отвлекала дутиков.

Я поднял секадор.

И выстрелил в дутика, который был чуть в стороне от остальных.

Вот тут эффект оказался куда заметнее.

Дутик осел, уменьшаясь, будто сдутый воздушный шарик. Из невидимых пор в белой шкуре хлынули потоки воды. Дутик шевелился, водил руками по полу, будто собирая воду, и медленно надувался. Но очень медленно.

Свет мигнул снова. Я вновь нажал на спуск, но секадор не сработал. Рядом без всякого эффекта пыталась выстрелить Дарина.

Корабль отрубил и наше оружие.

– Время! – крикнул Иван, отступая. – В экран!

Милана не колебалась, шагнула и исчезла в светящемся проеме. Загасить переход корабль, похоже, не смог.

– Дарина! – Я потащил ее к экрану.

По кораблю снова прошла дрожь.

В одной из стен появилась дыра, которая стремительно расширялась. За отверстием была Луна – серо-коричневая поверхность, мозаика ярких скал, освещенных солнцем, и непроглядной тьмы там, куда оно не заглядывало.

И это было настоящее отверстие, воздух взвыл, вырываясь в проем. Дарину потащило из моих рук, меня вслед за ней – наружу, в ледяной безвоздушный ад.

Иван даже не обернулся, отступая от нападающих дутиков. Продолжая двумя клинками отбивать их атаки, выбросил руку в сторону проема – и вой ветра стих, будто отверстие закрыла невидимая стена. Прежний взмахнул еще одной рукой (да-да, именно так, четвертой), и нас с Дариной кинуло к экрану. В движении я поймал ее, обнял – и мы вместе пролетели сквозь экран.

Прямо в большой зал ресторана, где на покрытых белоснежными скатертями столах несколько официантов расставляли тарелки и бокалы, зажигали свечи и раскладывали столовые приборы.

Мы прокатились по полу из темного полированного дерева. Милана помогла подняться Дарине, я встал сам.

Судя по силе тяжести, мы были дома.

Широкие окна вдоль двух стен, за ними море, солнце на закате, крики чаек, запах соли и йода...

Да, мы на Земле.

Вначале я подумал, что официанты просто не замечают происходящего – ни шипящих молний, между которыми мерцал экран, ни нашего появления. Потом поймал внимательный взгляд одного из официантов, немолодого, с высокомерным горделивым лицом – он явно был тут старшим. Метрдотель или дворецкий...

О, я знаю этот взгляд!

Один из официантов замешкался, с любопытством глядя на Дарину.

Метрдотель небрежным движением отвесил официанту легкий подзатыльник. Тот сразу же утратил к нам интерес и занялся работой.

Учитывая, что метрдотель стоял метрах в двух от чрезмерно любопытного официанта, сомнений не оставалось.

Слуга!

Метрдотель двинулся к нам. Я видел, что он продолжает контролировать экран, да и за прочим персоналом приглядывает, но сейчас центром его интереса стал я.

Все это напоминало какой-то отвязный боевик, где происходящее живет по своим законам. Какую-то бондиану...

– Bonsoir, Monsieur, – произнес он. – Comment puis-je vous servir?²

Из какого-то упрямства я ответил на немецком, общем языке Измененных:

– Champagner für die Damen, Wodka und Martini für mich.

² Добрый вечер, господин. Чем могу служить? (*фр.*)

Schütteln, nicht mischen³.

Фильмы про Бонда я любил.

Метрдотель смотрел на меня. Потом ответил на чистом русском языке:

– Я приготовлю вам «Веспер», господин Бонд.

Чувство юмора у Слуги?

Нет, это точно не наша реальность.

Метрдотель неспешно удалился.

– Вечерня? – спросила шепотом Дарина.

– Это такой коктейль, – пояснил я.

Посмотрел на экран. Что там происходит, где Иван?

Я вдруг поймал себя на том, что хочу, чтобы он выжил. В этом неправильном мире даже мерзкий, но знакомый Прежний был хоть каким-то якорем реальности.

Молнии вдруг замерцали, потускнели, начали угасать. И в последний миг перед тем, как они исчезли, из экрана выпрыгнул Иван.

В отличие от нас он не упал, не потерял очки и даже в мокрых плавках выглядел элегантно. Вот он действительно походил на агента ноль-ноль-семь, вернувшегося с миссии – какой-нибудь пустяковой, в самом начале фильма.

К тому же Иван вернулся не пустым.

Он держал в одной руке планшет, на котором я набрасывал план корабля. Вряд ли Прежнего заинтересовали мои каракули, скорее он надеялся выжать какую-то информацию из

³ Шампанское дамам, мартини с водкой мне. Взболтать, а не смешивать (нем.).

планшета.

В другой руке у Ивана был кусок дутика размером с маленькую дыньку «колхозница». Именно что кусок, вырванный из тела, кроваво-белый, сочащийся слизью.

Трусы на Прежном были разодраны на заднице и свисали лоскутом, что его, впрочем, ничуть не смущало.

– Петр! – крикнул он. – На исследование!

И бросил кусок плоти метрдотелю.

Тот с бесстрастным лицом поймал добычу, взял с ближайшего стола тарелку и положил на нее. Спросил:

– Элеоноре?

– Да, пусть поработает. – Иван швырнул метрдотелю и планшет. – И эту хрень пусть считают полностью. Включая удаленное.

Он вытер руки о трусы и повернулся к нам. Облизнул губы. Спросил:

– Кто вы такие? Как ты смог со мной связаться? Что это за твари... Инсеки никогда не использовали подобные биоформы...

– Долгая история, – ответил я. – Можно привести себя в порядок?

Иван кивнул.

– Да, вам не помешает... как и мне...

Он смотрел на меня, и я ощутил неприятный холодок в висках. Прежний вновь пытался меня зондировать, прочитать если не мысли, то хотя бы эмоциональный фон. Он был

уверен в себе, очень самонадеян, его одолевало любопытство, но где-то на самом дне сознания – того, верхнего слоя сознания, который я мог ощутить, – плескались напряжение и опаска.

Я подмигнул Ивану.

– Дьявол! – почти весело выругался Прежний. – Давай договоримся так не делать? Взаимно.

Я кивнул. И сказал:

– Мы уже начали волноваться. Вы задержались.

Иван ослабился.

– Это были бельгийцы. Преображенные, но в основе – офицеры SOR⁴. А я не люблю бельгийцев.

– Почему? – удивился я. Мне казалось, что Прежние ко всем людям относятся с одинаковым презрением.

Иван поколебался. Потом сказал:

– Полагаю, ты знаешь достаточно много. Сто тридцать лет назад я... частично... жил в Конго. Страна была бельгийской колонией.

Я кивнул.

Кое-что про бельгийцев в Конго я знал.

Честно говоря, даже Прежние и Слуги так себя с людьми не вели.

Так что же, в Иване есть африканский компонент? Никогда бы не подумал.

⁴ SOR – Special Operations Regiment, подразделение разведки сил специальных операций Бельгии.

– В общем, при случае я не оставляю бельгийцев в живых. – Иван едва заметно улыбнулся. – Но если хочешь, то можешь считать это милосердием.

– Если честно, то мне плевать, – ответил я.

Кажется, Ивана вполне удовлетворил мой ответ. Он махнул рукой:

– Эй, ты... – Метрдотель уже унес трофеи, к Прежнему подбежал молодой официант, тот, что недавно получил подзатыльник. – Леонид, верно? Отведи гостей в каюту... э... шестую. Принеси им три комплекта одежды. Когда приведут себя в порядок – сопроводи ко мне.

Только теперь, услышав про «каюты», я понял, что мы не в приморском ресторане, а на огромной яхте.

Иван коснулся моего плеча и негромко добавил:

– Надеюсь, неожиданностей не будет и я не пожалею о своем решении?

– Это зависит в первую очередь от вас, Иван Андреевич, – неожиданно ответила Милана.

И мы пошли за официантом.

Не знаю, считалась эта яхта большой или так себе, средней. Как по мне – она была огромной, будто круизный лайнер.

Широченные лестницы, полированное дерево, бронзовые перила, настоящий камень, старомодные хрустальные плафоны... Все это напомнило мне дирижабль «Крылья ветра»

на Трисгарде. Все-таки мы с розовыми свинками очень близки.

Выделенная нам каюта оказалась столь же роскошной и огромной. Кровать такая широченная, что на ней впору спать втроем или вчетвером. Панель телевизора занимала полстены. Массивный диван из бежевой кожи, перед ним столик и пара кресел. И еще оставалось изрядно места.

Если бы из окна не видно было палубы и бассейна на ней, я бы засомневался, что мы на яхте.

В бассейне, кстати, плавал Иван. Совершенно голый. У края бассейна стоял метрдотель, через левую руку было перекинута полотенце, в правой он держал крошечный поднос с бокалом.

Умом я понимал, что Прежние не могут быть бедными. Они богаты, нет, не так – они чертовски богаты, они просто не считают денег. Но неужели у российского чиновника, к тому же не самого крупного, может быть такая яхта?

Хотя с чего я решил, будто она его? Она же ему не каждый день нужна. Этот корабль может принадлежать Абрамовичу, Гейтсу, Маску, арабскому шейху или китайскому миллиардеру. Захотелось Ивану поплавать по морям-океанам – он получил яхту. Может, даже заплатил за это.

– Фу! – сказала за моей спиной Милана.

Я обернулся. Дарина уже шмыгнула в ванную комнату, там шумела вода. А Милана стояла, изучая содержимое раскрытого гардероба.

Подойдя к ней, я обнаружил, что шкаф набит кружевным бельем, какими-то кожаными ремешками в заклепках, наручниками – от brutальных стальных и до оплетенных розовым мехом и украшенных стразами, плетками – тоже разными, и устрашающими, и такими веселенькими, будто ими принцессы подгоняют единорогов... А еще – фаллоимитаторами всех размеров и цветов и какими-то причудливыми штучками, ни названия, ни предназначения которых я не знал.

– Это комната для сексуальных оргий, – сказала Милана.

– Угу. Тут, наверное, таких много, – пробормотал я.

– Прежние... – закрывая шкаф, согласилась Милана. – А черный пеньюар с кружевами ничего так... Максим, тут есть бар, как думаешь? Я бы выпила шампанское, а то Слуга зажал... Ты видел, да, как у него рука растянулась?

Но искать бар, который, несомненно, тут был, не пришлось: в дверь постучали, вошел еще один официант с подносом – бутылка шампанского, два бокала, коктейль в высоком стакане. В качестве закуски прилагались канапе с черной икрой и каким-то паштетом.

– Любят красиво жить. – Милана, не колеблясь, осушила полбокала. Я пригубил свой коктейль. Сладковато, крепость не чувствуется, но наверняка есть, и немалая. – Как думаешь, Максим...

– Думаю, тут все прослушивается, – сказал я, глядя на нее. – И просматривается.

Какое странное ощущение.

Она была моей девушкой, пусть и недолго. Я помнил ее губы, ее тело, ее тепло.

Да, я любил Дарину. Но и наши отношения с Миланой не были только лишь сексом.

А потом она стала Высшим. Самым началом Высшего, основой и корнем, буквой «альфа», зерном будущего сверхразума.

И меня отпустило. Думать про секс с Миланой было все равно что мечтать о сексе с тайфуном или сверхновой звездой, нелепо и жутко.

Но здесь она снова была собой и более никем. Моей бывшей девушкой, которая до сих пор меня любила, – я знал это без всякого смысла.

Милана грустно улыбнулась. Я улыбнулся в ответ.

– Обсуждать мы ничего не можем, – сказала Милана. – Наверное, разговор вести придется тебе.

Я кивнул.

– Сможет Иван нам помочь?

Вот это был самый главный и самый сложный вопрос. Я уже думал об этом, конечно. Прежняя Мод смогла перенести мое сознание в параллельный мир (интересно, в этот или другой?), но лишь сознание. А чтобы вот так... войти в экран и выйти в иной реальности...

– Не знаю, – сказал я осторожно. – Не уверен. Судя по всему, это выше их сил.

Милана кивнула.

Из ванной комнаты вышла Дарина – в пушистом розовом халате, таких же тапочках. Сказала:

– Какое удовольствие смыть с себя эту гадость. И там такая косметика... так пахнет!

Я действительно почувствовал свежий запах, одновременно травяной и цветочный. Кажется, у матери был похожий когда-то давным-давно. До Перемены.

– Моя очередь, – сказала Милана и юркнула в ванную, добавив напоследок: – Мужчины должны терпеть, мужчинам не привыкать быть вонючими и невымытыми!

– Не хочу быть вонючим, – пробормотал я. Выглянул в окно. Ивана в бассейне уже не было. Вообще огромная яхта казалась пустой, но для кого тогда сервировали столы в ресторане?

В дверь снова постучали.

Три официанта принесли три стопки одежды. Один бы попросту их не донес.

– Ого, – заинтересовалась Дарина. – Это явно мой размер... слушай, тут столько всего!

Действительно, одежды хватало. И белье, не столь эротичное, как в шкафу, но явно дорогое, и верхняя одежда, и обувь... Все было одновременно и разное, и выдержанное в едином стиле. Дарина с восторгом перебирала тряпки и тряпочки, прикладывала к себе и поглядывала в зеркало на стене.

Я как-то даже растерялся. Мы с ней ходили в магазины, она покупала себе одежду вместо комбинезона жницы, но самую обычную, нормальную – джинсы и блузки, курточку от дождя... А что, ей хотелось вот такого всего? Эту тельняшку... с виду обычную, но явно стоившую как целый костюм? Таких вот коротких, по лодыжки, брючек? Мягких туфель на белой подошве, блузок с золочеными пуговицами? Люди после Перемены стали как-то проще относиться к одежде... мне так казалось.

Наверное, я не в те магазины Дарину водил.

Вышла Милана, тоже в халате, веселая и благоухающая парфюмом. Я взял свою стопку одежды (кто бы ее ни выбирал, глазомер у него был хороший), зашел в ванную. Сложил одежду на туалетный столик (ага, пространство позволяло). На мгновение задумался, есть ли тут скрытые камеры. Пожал плечами и стал раздеваться.

Да плевать, если следят – то пусть любят.

Я вымылся с удовольствием. Напор воды был сильный, температура держалась ровная, как установишь. Помимо шампуней и гелей явно женских, нашлись мужские – в черных дорогих флаконах, пахнущие ментолом и цитрусом. Под конец я вывернул регулятор до конца и постоял под ледяным душем, дожидаясь, пока организм не взмолится о пощаде.

Организм не взмолился.

Все-таки я был в состоянии Призыва. Неполном, но делающем меня крепче и выносливее обычного человека.

Вытираясь, я еще раз попытался осмыслить ситуацию.

Мы живы – это плюс.

Мы выбрались из тюрьмы, где должны были провести всю жизнь, причем сделали это удивительно быстро. Это тоже плюс.

Никто здесь не знает, кто мы такие. Разве что корабль Инсека... но, судя по его сопротивлению, он не сдастся живым и не даст Прежним информации. И это тоже плюс.

А что насчет минусов?

Увы, их еще больше.

Это чужой мир, чужая Земля. Наши места тут уже заняты. Это минус.

Мы в руках Прежнего. И, будем честны, он куда сильнее нас, даже в одиночку. Также минус.

И если даже мы уговорим Прежнего нам помогать (с чего бы вдруг, но допустим), то перед нами встает новая проблема. Прежние не способны отправить нас назад. И перенос сознания не поможет, на Земле нас уже нет. Это такой жирный минус, что перекроет любые плюсы...

Одевшись – синие брюки и тельняшка с лейблом Saint James, белые ботинки на мягкой плоской подошве, – я глянул на себя в зеркало.

Нет, владельцем яхты я не выглядел, максимум гостем. Ну и ладно.

...А вот в каюте меня ждал сюрприз.

В одном из кресел сидел Иван. В белом костюме, в белой

рубашке... вот он как раз выглядел тут хозяином. Он крутил в пальцах бокал шампанского и что-то рассказывал.

Напротив него, на диване, сидели Дарина и Милана.

Не просто сидели – улыбались и смеялись!

– Давай к нам, Максим! – дружелюбно сказал Прежний. –

Я рассказываю девчонкам, как удирал с корабля!

– Это правда смешно! – воскликнула Милана.

Я посмотрел на нее, и она перестала улыбаться. Может быть, вспомнила, как Иван в свое время несколькими словами почти заставил в себя влюбиться?

Усевшись в кресло, я взял бокал с коктейлем. Пить мне не хотелось, но вот руки чем-то занять надо.

– Иван, вы же не используете свои способности? – спросил я, глядя ему в глаза.

– Нет, честное слово, – добродушно ответил он. – Все настолько непонятно, что я не рискую! Максим, так вы действительно сын министра Воронцова?

– Бывшего замминистра, – машинально ответил я. И сам себя мысленно обругал. То, что Иван уже выяснил, кто я такой, – ожидаемо. Но зачем я дал понять, что чужак в этом мире...

– Любопытно, – сказал Прежний. – Министром он стал два года назад... вы из прошлого? Нет, ерунда... Кстати, вы знаете, что Максим Воронцов сейчас в Москве? Вот прямо сейчас, именно в эту минуту?

– Вполне может быть.

Прежний развел руками.

– Ну... если отбросить все невозможное... Вы из иной реальности?

Молчать не было смысла.

– Да.

Прежний вздохнул и поставил бокал на стол.

– Позвольте тогда задать еще один вопрос... В той реальности, откуда вы появились... не спрашиваю, как именно... мы с вами были друзьями?

Я поймал взгляд Дарины. Вздохнул.

Врать тоже было бессмысленно.

– Нет, не были. Случалось разное, но кончилось тем, что я пытался вас убить.

– Получилось? – спросил Иван с живейшим интересом.

Я покачал головой. Иван довольно улыбнулся.

– А я? Я вас пытался убить?

Хороший вопрос...

– Нет, – сказал я с легким удивлением.

Иван хмыкнул. Поглядел на девчонок, потом снова на меня. Спросил:

– Почему тогда вы меня так ненавидите?

Странно. Все-таки он был другим, не таким, как в нашем мире. Я не представляю, чтобы наш Иван задал такой вопрос.

– Потому что вы презираете людей. Весь мир.

– Во-первых, я не совсем человек, – сказал Иван. – Да ведь

и вы тоже...

Он встал, прошелся, засунув руки в карманы брюк.

– Во-вторых, вы не правы, Максим. Знаете, как сказал сто лет назад один хороший поэт...

Помедлив, он начал негромко читать вслух:

Во многом знании – немалая печаль,
Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль?

Природа хочет жить, и потому она
Миллионы зерен скармливает птицам,
Но из миллиона птиц к светилам и зарницам
Едва ли вырывается одна.

Вселенная шумит и просит красоты,
Кричат моря, обрызганные пеной,
Но на холмах земли, на кладбищах вселенной
Лишь избранные светятся цветы.

Я разве только я? Я – только краткий миг
Чужих существований. Боже правый,
Зачем ты создал мир, и милый и кровавый,
И дал мне ум, чтоб я его постиг!⁵

Я вздрогнул.

⁵ Николай Заболоцкий, «Во многом знании немалая печаль...».

Кажется, я понял, почему этот Иван – другой.

– Андрей с вами? – спросил я. – Ваш отец?

Иван глянул на меня с острым любопытством.

– Ага... Так вы были дружны с ним? Как интересно...

– Вы не ответили, – сказал я.

– Да, он во мне, – кивнул Прежний.

Глава седьмая

Яхта стояла метрах в ста от берега. Я не спрашивал, где именно, а Иван не счел нужным сказать. Зеленая, яркая, но не тропическая, пустынный песчаный пляж, на котором были разбиты пестрые шатры.

Наверное, мы все-таки были в Европе. Средиземное море, какая-нибудь Сардиния или Корсика?

Вполне возможно. В мире полно уютных мест, как людных, так и приватных.

– Вечером предполагались гости, – сказал Иван. – Все отменил.

Он стоял на палубе, глядя на пляж. Засунув руки в карманы, чуть ссутулившись, ничем сейчас не напоминая того Прежнего, которого я знал. Я вышел на палубу вместе с ним, девчонки остались в каюте. Команда яхты к нам не приближалась. Море было спокойным, небо чистым и светлым, с белым пушком облаков на горизонте. Тент прикрывал нас от солнца, было не жарко, а просто тепло и по-летнему хорошо.

Я подумал, что скучал по морю.

А еще в небе белесым серпом висела Луна.

По ней я скучал еще больше.

– Что за гости? – спросил я.

– Большинство Слуги. И немножко элитки – политики, бизнесмены.

Иван фыркнул, будто его веселила сама мысль о сильных мира сего, развлекающихся в компании нелюдей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.